ЧУЖОЙ
ИЗОЛЯЦИЯ

РОМАН БАТАКОВ

Роман Батаков

Чужой Изоляция.

«Автор»
2026

Батаков Р. Г.

Чужой Изоляция. / Р. Г. Батаков — «Автор», 2026

Когда экипаж «Анесидоры» привозит на обречённую станцию Севастополь лицехвата с LV-426, попытки начальства, врачей и жителей скрыть, изучить или использовать находку запускают цепь катастроф. Спустя несколько недель Аманда Рипли прибывает туда за самописцем «Ностромо» и оказывается в ловушке станции, где корпорация и искусственный интеллект защищают ксеноморфа ценой человеческих жизней. Фанфик по игре " Чужой Изоляция"

© Батаков Р. Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ОТ АВТОРА 5
Часть 1. Севастополь. 6
Пролог 7
Глава 1. Контрабандист. 10
Глава 2. Журналистка. 15
Глава 3. Врач. 24
Глава 4. Последний шанс. 37
Глава 5. Закон. 43
Глава 6. Рабочий класс. 49
Глава 7. Сигнал. 73
Мусорщик «Анесидора». Октябрь — ноябрь 2137 года. 73
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Чужой Изоляция.

ОТ АВТОРА

Все знают, чем закончилась станция «Севастополь». Известно почти всё: сорванные с креплений переборки, гаснущие секторы, записи в бортовых журналах, девушка по фамилии Рипли, которая пришла сюда искать свою мать и нашла кошмар. Игроки помнят каждый коридор этой станции, потому что прошли его сами — на ощупь, в темноте, с огнетушителем в руках.

Но мало кто спрашивал: а что было до этого?

Эта книга — о жизни Севастополя до катастрофы. О годах, когда три его башни ещё стояли целыми, в торговой галерее работали все магазины, а андроиды серии «Джо» действительно помогали — во всём, как было написано на их табличках. О людях, которые называли эту орбиту над газовым гигантом KG-348 домом: о сотруднике Бюро Безопасности, ставшем контрабандистом, потому что станция нуждалась в лекарствах больше, чем в правилах. О журналистке, которая успела написать правду — но не успела её услышать. О враче, которая до последнего вела учёт живым.

Эта книга — про то, как что-то умирает ещё до того, как это что-то умрёт. Как корпорация отключает свет за год до отключения кислорода. Как система, построенная беречь людей, однажды решает, что станция важнее. Как выглядит конец, который ещё не наступил, — и которого никто не боится, потому что каждый день по-прежнему нужно вставать на смену.

Мир «Чужого» принадлежит его создателям; история Севастополя — канон вселенной «Alien: Isolation», игры, которой я обязан этой книгой. Мне принадлежат только мои герои — и моя благодарность. Если вы играли, вы узнаете Севастополь — но, надеюсь, увидите и то, чего не видели: когда он был жив.

Если не играли — не страшно. Двери этой станции открыты для всех. Хотя бы сейчас, когда запереть их некому.

2026

Часть 1. Севастополь.

Пролог

Газовый гигант Кей Джи-348 висел в пустоте, как опухоль на теле космоса — раздутый, тёмно-багровый, испещрённый полосами циклонов, каждый шириной с континент Земли. Его гравитационное поле искажало свет ближайших звёзд, а магнитное поле гудело на частотах, которые забивали эфир любого неэкранированного передатчика в радиусе трёх миллионов километров. Не самое гостеприимное место для станции. Но именно здесь, на низкой орбите вокруг Кей Джи-348, в системе Дзеты Сетки, решено было построить Севастополь.

Это случилось в 2095 году — через шестьдесят с лишним лет после того, как Джозая Сиг превратил свою маленькую фабрику в империю.

«Сиг и Сын» начинала скромно: компоненты для космических кораблей, сборочные цеха в промышленных зонах, контракты с колониальными программами. Но Джозая Сиг умел две вещи, которых не хватало его конкурентам: он видел дальше следующего квартала и не боялся вкладывать в то, что окупится через поколение. К 2034 году, когда в обиход вошли сверхсветовые перелёты, «Сиг и Сын» стал главным конкурентом «Вейланд Корп» — компании, которая уже привыкла к тому, что соперники ей не ровня.

К 2066 году фабрики «Сиг и Сын» расползлись по городам трёх континентов. К 2071-му компания лидировала в производстве автомобилей, химикатов, образовательного оборудования и строительных материалов. К 2100-му Джозая Сиг давно был мёртв, но его наследие сменило вывеску: «Сиг и Сын» стал «Корпорацией Сигсон». Имя основателя стёрлось из логотипа, но не из ДНК компании — той самой упрямой веры, что можно догнать «Вейланд» — к тому времени уже «Вейланд-Ютани», — если строить достаточно много и достаточно быстро.

Севастополь был частью этого плана.

Строительство начали в 2095 году. «Лоренц Систек Девелопмент» — инженерная компания, специализировавшаяся на орбитальных конструкциях, — получила контракт. Деньги пришли от «Джиофанд Инвестор», фонда, который вкладывал в инфраструктуру колониальных маршрутов. Планировался обычный космопорт: заправка, ремонт, таможня, короткая стоянка для транзитных кораблей — и переработка минералов, которые геологи находили в облаках Кей Джи-348. Ничего амбициозного. Узел на карте, точка маршрута, запятая между двумя более важными пунктами.

Строительство шло десять лет — на два года дольше, чем обещали. Десять лет сварки, монтажа, инспекций, юридических проволочек, забастовок подрядчиков и пересмотров бюджета. Четвёртого августа 2105 года инженер Э. Хоуп подписал акт: все системы в норме, орбита стабильна, — и станцию ввели в эксплуатацию. И...

И ничего.

Транзитные маршруты, которые должны были пройти через Севастополь, ещё не были утверждены. Колониальные программы, которые должны были обеспечивать поток кораблей, откладывались. Покупатель, для которого станцию строили, так и не нашёлся — право собственности вернулось к «Джиофанду», и Севастополь остался вольным портом без коммерческих связей. Станция простаивала. Месяцы складывались в годы. Оборудование устаревало, не успев поработать. Экипаж обслуживания сократился до минимума, а потом — ниже минимального. «Джиофанд Инвестор» писала убытки, «Лоренц Систек» закрыла проект, а потом маршрут Сол–Тедус — главную артерию, питавшую станцию, — перенаправили в сторону. И Севастополь повис на орбите Кей Джи-348, как забытый чемодан на багажной карусели.

Девятнадцать лет.

Столько станция ждала своего второго шанса. Он пришёл в 2124 году.

К тому времени «Корпорация Сигсон» выросла достаточно, чтобы заниматься тем, что её инженеры называли «реанимацией»: скупка старых, обветшалых, списанных станций по бросо-

вым ценам, установка нового оборудования, перепродажа или эксплуатация под новым профилем. Это было выгодно: готовая инфраструктура стоила дешевле, чем строительство с нуля, а патенты на технологии, установленные на таких станциях, можно было использовать как рычаг на переговорах. Севастополь был не первой станцией, которую Сигсон поднял с колен. Но он стал самой крупной.

Сигсон выкупил станцию в 2124 году. Установил новое оборудование: ядро АПОЛЛО — искусственный интеллект последнего поколения, управляющий всеми системами станции, от климата до безопасности. Андроиды серии Джо — рабочие единицы для рутинных задач: уборка, логистика, обслуживание, охрана. Привлёк партнёров: «Джемини Экзопланет Солюшенс», компанию, специализировавшуюся на разработке новых технологий переработки сырья и отходов, а также на изучении газовых гигантов. «Джемини» получила собственный сегмент на станции — модуль, примыкавший к башне «Лоренц».

Из обычного космопорта Севастополь превратился в нечто большее. Три основные башни, соединённые транзитной линией.

Башня «Лоренц» — техническое сердце станции. Здесь размещалось ядро АПОЛЛО, серверные массивы, центр связи и сегмент «Джемини». Самая высокая из трёх, она венчала станцию, как шпиль, и была видна с любого иллюминатора на подходе.

Научно-медицинская башня — вторая. Здесь расположились госпиталь «Сан-Кристобаль», один из лучших на дальних маршрутах, и завод «Сигсон Синтетикс», где собирали, тестировали и ремонтировали андроидов серии Джо. Жилой сектор для медицинского и технического персонала примыкал к башне, образуя отдельный мини-городок со своими кафетериями, спортзалами и детскими садами.

Башня «Соломонс» — жилая зона. Торговая галерея, Бюро маршала, жилые кварталы. Сердце повседневной жизни станции. Здесь люди просыпались, завтракали, работали, ссорились, влюблялись, растили детей и умирали. Тридцать четыре магазина, рестораны, бары, парк с искусственной растительностью, школа, ясли. Отдельно, у подножия башен, — космопорт: терминал, шлюзы, стоянки для челноков. «Сигсон» не строила военный объект — она строила город.

В таком виде Севастополь был вновь введён в эксплуатацию в 2124 году. И какое-то время всё шло хорошо.

Андроиды серии Джо стали хитом: дешевле, чем модели «Вейланд-Ютани», достаточно надёжные для рутинной работы, легко программируемые. Завод на Севастополе работал в три смены. Заказы поступали с колониальных станций, исследовательских баз, частных компаний. «Джемини» разрабатывала новые процессы переработки сырья, и её патенты приносили Сигсону роялти, которые финансировали дальнейшее развитие. Торговая галерея на «Соломонсе» заполнилась магазинами, и люди потянулись на станцию — не просто на заработки, а на постоянное место жительства.

Население росло. К 2130 году на Севастополе постоянно жило около пятисот человек — станция, рассчитанная на три тысячи, так и не заполнилась и на шестую часть. Но для этих пятисот она перестала быть точкой на карте и стала местом, которое люди называли домом.

У станции, как и у любого города, были свои проблемы. Преступность — в основном коррупция и контрабанда. Последняя процветала: станция находилась вдали от центральных маршрутов, досмотровая служба была немногочисленной, а спрос на товары, не прошедшие через официальные каналы, всегда превышал предложение. Но до 2135 года это были проблемы растущего города — не симптомы умирания.

В 2135 году на станцию прибыл маршал Уэйтс. Человек, который шёл на всё ради сохранения порядка. Он быстро поднялся по карьерной лестнице и занял пост начальника Бюро Безопасности. Контрабандистам впервые пришлось работать в условиях, когда кто-то наконец мешал. Они нашли решение — и нашли его в лице Синклера, работника того же Бюро.

Уэйтс ловил контрабандистов. Синклер им помогал. Башни росли. Андроиды работали. Люди жили. «Сигсон» зарабатывала. АПОЛЛО управлял всем этим — климатом, энергоснабжением, логистикой, безопасностью — с безупречной эффективностью машины, которая не знает усталости.

Но где-то наверху, в кабинетах, удалённых от Севастополя на миллионы километров, кто-то уже просчитывал, что станция не окупится. «Вейланд-Ютани» выпустила новую серию андроидов — лучше, быстрее, умнее. «Сигсон» начала отставать. Инвестиции, которые были нужны, чтобы догнать, не приходили. Руководству было всё равно. Первые трещины были ещё незаметны, но они уже шли — как трещины в обшивке станции, которую кто-то однажды назовёт непригодной для жизни.А пока — Севастополь жил. Свет горел в окнах жилой башни. Дети ходили в школу. Врачи «Сан-Кристобаля» оперировали. Андроиды серии Джо убирали коридоры и отвечали на вопросы. АПОЛЛО следил за всем, и всё было в порядке.

До поры до времени.

Глава 1. Контрабандист.

Севастополь. Доки С-7. 10 сентября 2137 года

На Севастополе отключили свет в двух жилых секторах, закрыли ещё один магазин и задержали груз с антибиотиками, который должен был прийти три дня назад. В официальном сообщении говорилось, что задержка связана с проверкой маршрутов. В очереди у распределительного пункта женщина сказала, что проверка — это слово, которым здесь прикрывают пустые полки.

Синклер услышал её, проходя мимо. Не остановился. За спиной гудели генераторы, впереди мигала лампа, а в кармане куртки лежал список людей, которым нужно было достать лекарства.

В грузовом отсеке дока С-7 на полу стояли четыре контейнера без маркировки. Синклер проверил пломбы, сверился с кодами и постучал по боковой стенке одного из них.

— Всё чисто, — сказал Франко.

Специалист по терминалам привалился к переборке. Его нервные руки то сжимались, то разжимались. Он постоянно оглядывался на дверь.

— Ты говорил, партия списанная, — сказал Синклер.

— Так и есть. Сан-Кристобаль отправил её на утилизацию.

— В документах?

Франко помедлил.

— В документах она всё ещё на складе.

— Значит, не списанная. Значит, украденная.

— Если бы её не вывезли, она бы сгнила там же.

— Это не делает её ничьей.

— А очередь в госпитале делает её чьей-то?

Синклер посмотрел на контейнеры. Анальгетики, антибиотики, стимуляторы. Не то чтобы партия могла спасти станцию. Но она могла помочь тем, кого официальная система уже перестала замечать.

— Сколько они стоят?

— На чёрном рынке — тысяч восемь. Может, десять, если Кульман не выбросит свой товар раньше.

— Ты собираешься продавать ему?

— Я собираюсь получить свою долю.

— Ты получишь свою долю, когда груз уйдёт.

Франко нервно усмехнулся.

— Ты всегда говоришь так, будто ещё носишь значок.

Синклер не ответил. Значок Бюро Безопасности на его куртке был потёрт, но всё ещё различим. Франко взглянул на него, словно только теперь вспомнил, что именно этот значок открывает некоторые двери и закрывает другие.

— Забирай, — сказал Синклер. — Только иди не через галерею. Через технический уровень. И не тащи всё разом.

— Почему?

— Один контейнер на антиграве — обычная работа. Четыре сразу — уже вопрос.

— У кого?

— У того, кто спросит.

Франко потянулся к первому контейнеру.

— Если появятся проблемы, я ничего не знаю.

— Если появятся проблемы, ты будешь знать меньше всех.

Франко повёз груз к выходу. Синклер остался у переборки и посмотрел, как контейнер исчезает за поворотом.

Когда-то он считал такие сделки временным отступлением от правил. Потом понял, что правила на Севастополе отступают быстрее людей.

Полтора года назад Синклер прибыл сюда с чистой формой, целой верой в протокол и злостью, которой хватило бы на троих. Станция тогда ещё торговала. Галереи были заполнены людьми, доки принимали корабли, а Бюро Безопасности успевало не только тушить конфликты, но и составлять отчёты о них.

Маршал Уэйтс набирал людей. Синклер показался ему подходящим: молодой, упрямый, не склонный отворачиваться, когда дело становилось неприятным.

Первые месяцы Синклер патрулировал доки, проверял грузы и задерживал тех, кто считал, что на орбите закон действует хуже, чем на земле. Уэйтс хвалил его за внимательность. Через полгода Синклер уже получал поручения без объяснений.

Потом Уэйтс позвал его в кабинет.

— Мне нужен человек, который будет не ловить контрабандистов, — сказал он, — а работать с ними.

Синклер тогда решил, что ослышался.

— Вы хотите, чтобы я стал одним из них?

— Я хочу, чтобы ты сделал так, чтобы они не стали хуже.

Уэйтс не повышал голоса. Он говорил, как будто предлагал Синклеру маршрут, а не менял его работу.

— Официальные поставки задерживают, — продолжил он. — «Сигсон» режет финансирование. Магазины закрываются. Людям нужны лекарства и запчасти. Если мы не найдём способ доставлять их сюда, это сделают другие. Без правил и без контроля.

— А если я откажусь?

— Тогда ты продолжишь ловить людей, которые везут то, без чего станция не продержится и месяца. А их место займут те, кому всё равно, кто останется без лекарств.

Синклер не поверил ему полностью. Но другой ответ он себе придумать не смог.

— Будешь моим человеком в их среде, — сказал Уэйтс. — Я буду знать, что и куда идёт. У контрабандистов будет один канал, который не тронут, пока они соблюдают условия. Остальные маршруты я закрою.

— А если кто-то не соблюдает?

— Тогда ты узнаешь об этом раньше меня.

Синклер согласился. Не потому, что считал предложение правильным. Потому что оно казалось единственным способом не дать станции достаться людям, которым чужая нужда была удобнее любого закона.

Поначалу всё работало. Синклер находил поставщиков, договаривался о маршрутах, возвращал в оборот списанные детали и лекарства. Уэйтс закрывал глаза на часть операций и получал взамен информацию: кто привёз груз, кому его передал, что собираются делать конкуренты.

Синклер знал имена. Знал склады, проходы и смены. Знал, кого можно предупредить, а кого следовало отдать Уэйтсу.

Потом «Сигсон» начала урезать расходы. Сначала закрыли несколько торговых точек. Затем сократили персонал. Потом стали отключать сектора и отменять рейсы. На станцию всё ещё привозили товары, но меньше людей могли их купить. Всё чаще контрабандисты оказывались не угрозой порядку, а единственными, кто поддерживал его остатки.

Синклер перестал докладывать Уэйтсу о мелких поставках. Потом — о крупных. Не сразу. Один груз оставил вне отчёта, следующий назвал меньше, чем он был. Позже начал брать процент, который раньше передавал посредникам.

Он продолжал носить значок. Продолжал приходить на совещания и кивать, когда Уэйтс говорил о порядке. Но порядок, который Синклер поддерживал, становился его собственным.

Он не считал себя предателем. Он считал себя человеком, который знает, что происходит в коридорах, и не ждёт разрешения помочь тем, кто там живёт.

Синклер моргнул.

Грузовой отсек опустел. Где-то далеко хлопнула переборка. Над дверью мерцала аварийная лампа.

Интерком на запястье завибрировал. Сообщение пришло с корпоративного канала.

«Приходи. Один. Как обычно».

Отправитель не подписался. Подпись была не нужна.

Синклер стёр сообщение и направился в башню Лоренц.

Рэнсом занял комнату, числившуюся служебной, — давно она стала его личным кабинетом. Дверь открылась, едва Синклер коснулся панели. Внутри пахло кофе и чистящим средством — запахами, которых в общественных секторах почти не осталось.

Джозеф Рэнсом сидел за столом. Перед ним светился экран с цифрами. Сам он выглядел так, будто не замечал ни закрытых магазинов, ни отключённых жилых блоков: аккуратный костюм, свежая рубашка, волосы уложены безупречно.

На Севастополе мало кто ещё одевался так.

— Садись, — сказал Рэнсом. — И закрой дверь.

Синклер закрыл её, но сел не сразу.

— Ты прислал сообщение, будто меня уже ждёшь.

— Я и ждал.

— Значит, мог написать, зачем.

— Мог. Но тогда ты решил бы, что это не срочно.

Синклер сел.

Рэнсом убрал экран.

— Как дела в доках?

— Четыре контейнера ушли.

— Франко довёз?

— Довёз.

— Хорошо.

Синклер не ответил.

— Я вызвал тебя не из-за товара, — сказал Рэнсом.

— Тогда к чему спрашивал?

— Хотел понять, насколько спокойно ты отвечаешь.

— И как?

— Пока не решил.

Рэнсом взял чашку, но не отпил. Синклер заметил, что кофе остыл: на поверхности не было пара.

— Через три недели сюда прибудет комиссия «Джиофанд Инвестор», — сказал Рэнсом. — Опись имущества, демонтаж, выселение.

— Я знаю, что значит демонтаж.

— Тогда понимаешь, что станция не будет работать как прежде.

— Она и сейчас не работает как прежде.

— Это не ответ.

— Это единственный, который у меня есть.

Рэнсом поставил чашку.

— «Джиофанд» будет оценивать активы «Сигсон». Что можно продать, что разобрать, что списать. Они не станут спрашивать, сколько людей осталось в жилых секторах.

— А ты станешь?

— Я пытаюсь сохранить то, что ещё можно сохранить.

— Станцию?

— Не надо притворяться, будто ты веришь в спасение станции.

Синклер откинулся на спинку стула.

— Тогда скажи прямо, чего хочешь.

Рэнсом посмотрел на него несколько секунд.

— Технологию андроидов Джо. Завод в научно-медицинском секторе. Оборудование, протоколы, чертежи. Если всё это перейдёт «Джиофанд», «Сигсон» лишится последнего ценного актива. Если успеть вывезти часть данных до начала описи, найдутся частные покупатели.

— Ты хочешь, чтобы я вывез данные?

— Я хочу, чтобы ты помог мне получить к ним доступ.

— У меня нет доступа к заводским архивам.

— Но у тебя есть доступ в те места, куда сотрудники «Сигсон» не ходят.

— Это не одно и то же.

— Нет. Поэтому я и разговариваю с тобой, а не с охранником у двери.

Синклер посмотрел на закрытый экран.

— Кто ещё в этом участвует?

— Пока никто.

— «Пока» — слово, которое обычно означает «уже кто-то».

Рэнсом чуть улыбнулся.

— Спеддинг знает, что комиссия скоро прибудет. Он хочет получить рекомендацию и покинуть станцию с чистой историей. Смит уволен после провала презентации. Он может быть недоволен, но доступа у него больше нет.

— Если он уволен, почему ты о нём говоришь?

— Потому что недовольные люди иногда находят способ вернуться.

— А Уэйтс?

Улыбка Рэнсома стала заметнее.

— Уэйтс занят порядком.

— Каким именно?

— Тем, который ты ему помогаешь поддерживать.

Синклер чуть наклонился вперёд.

— Ты знаешь о моих поставках.

— Я знаю, что на станции ещё есть лекарства.

— Это не ответ.

— Это ответ, который тебе стоит услышать.

— Ты предлагаешь мне украсть корпоративную технологию, а заодно напоминаешь, что можешь рассказать Уэйтсу про мои грузы?

— Я предлагаю тебе шанс уйти отсюда не с пустыми руками.

— А если я откажусь?

— Тогда ничего не изменится. Комиссия приедет, станцию начнут разбирать, а ты продолжишь возить медикаменты и запчасти, пока не закроют последний док.

— Звучит почти как угроза.

— Это прогноз.

Рэнсом включил экран. На нём появилась схема научно-медицинского сектора. Несколько отсеков были выделены красным.

— Здесь архивы и испытательная зона. Я не прошу тебя ничего выносить сегодня. Сначала нужно выяснить, что успеют опечатать и кто ещё имеет доступ.

— То есть ты хочешь, чтобы я разведал сектор.

— Я хочу, чтобы ты сказал, реально ли забрать данные до комиссии.

— А если реально?

— Тогда обсудим долю.

— Какую?

— Достаточную, чтобы ты мог начать заново.

— Ты предлагаешь мне неизвестный процент за неизвестную работу с неизвестным риском.

— Я предлагаю тебе выбрать, кто назначит цену твоей работе: я — или люди, которым ты безразличен.

Синклер поднялся.

— Мне нужно подумать.

— Думай, но не долго. Уведомление о начале описи может прийти раньше срока.

— Ты сказал, через три недели.

— Сказал, что комиссия прибудет через три недели. Подготовка начнётся раньше.

Синклер задержался у двери.

— Почему ты выбрал меня?

— Потому что ты знаешь станцию.

— Этого мало.

— Потому что ты не докладываешь Уэйтсу обо всём, что происходит в доках.

Синклер не шевельнулся.

— На станции становится меньше людей, — продолжил Рэнсом. — Меньше свидетелей, меньше заказов. Зато записи грузопотока никуда не делись. Хорошо, когда осталось что-то постоянное.

Синклер повернулся.

— Если ты собираешься использовать это против меня, скажи прямо.

— Я уже сказал. Если бы хотел донести на тебя, не стал бы звать сюда одного.

— Может, ты хочешь, чтобы я решил, будто у нас общая тайна.

— У нас общая станция. Этого достаточно.

Синклер вышел, не отвечая.

В коридоре половина ламп не работала. Внизу кто-то кричал — пьяный, испуганный или просто уставший. На этой стадии различить не удавалось.

У стены стоял андроид серии Джо. Руки сложены перед собой, голова слегка наклонена. Его глаза светились ровным белым светом. Синклер прошёл мимо. Андроид не шевельнулся.

У двери жилого сектора висело новое уведомление: «Первого октября начнётся опись имущества Севастополя. Информация о порядке выселения будет сообщена дополнительно».

Синклер прочитал его дважды. Потом убрал руки в карманы и пошёл дальше.

Рэнсом знал о поставках. Комиссия действительно шла на станцию. А сведения о заводе Джо были достаточно ценны, чтобы ради них рискнуть всем, что Синклер успел выстроить.

Он мог отказаться и ждать, пока доки закроют. Мог согласиться и стать частью сделки, которую не контролировал. Или мог сначала выяснить, что именно собираются вывезти и кто уже держит ключи.

У двери погас свет. Через секунду аварийная полоса включилась снова.

Синклер свернул к грузовому уровню.

Ему нужно было найти Франко и выяснить, кто ещё знал о сегодняшней поставке. А потом — решить, какую правду он готов сообщить Уэйтсу.До начала описи оставалось три недели. Севастополь уже начал разбирать себя сам.

Глава 2. Журналистка.

Сентябрь 2137 года

Джулия Джонс заметила Севастополь задолго до того, как шаттл начал торможение.

Станция медленно поворачивалась на фоне газового гиганта Кей Джи-348. Три башни соединяла транзитная линия; на потемневших корпусах блестели свежие металлические заплаты. Рекламные голограммы у посадочного шлюза то вспыхивали, то распадались на пиксели. Синий логотип «Сигсон» несколько раз собрался заново, будто упорно отказывался гаснуть.

Джулия подняла планшет, сделала снимок, проверила фокус и сняла ещё раз.

— Не снимайте стыковочный узел, — сказал мужчина через проход.

На его куртке был знак транспортной службы.

— Почему?

— Ограничения компании.

— У вас есть документ с таким ограничением?

Мужчина отвернулся к иллюминатору.

Джулия убрала планшет, но не выключила запись. За шесть лет работы независимым журналистом она усвоила: люди чаще всего запрещают снимать именно то, что уже видели.

Редактор Марк Долан пытался отговорить её от поездки.

«Станция списана, Джонс. Кому интересно, что там происходит?»

Джулия показала ему отчёты «Сигсон» для акционеров: графики роста, обещания «оптимизации процессов», уверения, что станция готовится к новому этапу развития. Потом — сообщения бывших сотрудников и техников, появлявшиеся на закрытых форумах. Закрытие модуля «Джемини». Увольнения. Задержки зарплат. Андроиды, которые зависали посреди рабочего цикла.

В отчётах всё было благополучно. В сообщениях — нет.

Она летела выяснить, кто врёт.

Шаттл вошёл в посадочный шлюз башни «Соломон». Металл корпуса отозвался низким гулом. Створки сошлись, замки защёлкнулись. Четверо пассажиров ждали, пока погаснет сигнал разгерметизации: Джулия, двое техников и мужчина с медицинским чемоданчиком — тот не поднимал глаз от пола.

Когда открылся трап, Джулия не сразу двинулась к выходу. Воздух, проникший в салон, пах влажным металлом и давно не чищенными фильтрами.

Один из техников поморщился.

— Они обещали, что вентиляцию починили.

— Кто? — спросила Джулия.

— Те, кто прислал нам билет обратно.

Он подхватил сумку и пошёл первым.

В коридоре у шлюза стоял андроид «Джо». Голова была чуть опущена, руки свободно свисали вдоль корпуса. На груди — табличка: «Джо-3317. Сервисное обслуживание. Во всём поможет».

Голубые огни за матовым стеклом глаз мигали неровно.

Джулия подняла планшет.

— Не надо, — сказал один из техников.

— Почему?

— Он может включиться.

— Это ведь его работа.

— Его работа — помогать.

Андроид резко повернул голову.

— Добро пожаловать на Севастополь, — произнёс он. — «Сигсон» и Севастополь — форпост прогресса.

Голос прозвучал чисто и ровно. Джулия опустила планшет на несколько сантиметров.

— Спасибо. Как пройти к транзитной линии?

Андроид смотрел на неё. Огни в глазах мигнули раз, другой.

— Пожалуйста, обратитесь к сотруднику станции.

— А где найти сотрудника?

Пауза затянулась.

— Пожалуйста, обратитесь к сотруднику станции.

Техник прошёл мимо, не глядя на андроида. Джулия сделала снимок и догнала его.

— Он часто так делает?

— Спросите у того, кто отвечает за него.

— А кто отвечает?

— Хороший вопрос.

Техник ускорил шаг. Джулия не стала настаивать. Она сохранила фотографию и подписала файл: «Джо-3317, зона прибытия. Сбой ответа?»

Транзитная линия соединяла три башни. Капсула стояла у платформы с открытыми дверями. Джулия вошла, и за ней зашла женщина с двумя пластиковыми сумками. Капсула дёрнулась, остановилась, загудела. Женщина поставила сумки на пол.

— Опять, — сказала она.

— Часто задерживается?

— Раньше — нет.

Капсула тронулась.

Через прозрачную стену проплывали уровни станции. В торговой галерее из тридцати четырёх точек работали семь. Остальные были закрыты металлическими ставнями. На нескольких висели жёлтые наклейки: «Выведено из эксплуатации. По вопросам обращайтесь к руководству сектора».

У открытого киоска с запчастями стояла очередь. Джулия насчитала шесть человек. Никто не двигался. За прилавком работал андроид «Джо»: сканировал небольшую деталь, ждал, снова сканировал.

— Стоит? — спросила женщина с сумками.

— Похоже, считает, — ответила Джулия.

— Уже минут десять считает.

Один из людей в очереди постучал по прилавку.

— Мне нужна эта деталь сегодня.

Андроид поднял голову.

— Пожалуйста, сохраняйте спокойствие.

— Я спокоен. Я просто хочу знать цену.

Андроид снова опустил взгляд на сканер.

Капсула остановилась. Женщина подняла сумки и вышла.

Джулия сделала несколько снимков через стекло. Очередь, закрытые магазины, андроид у прилавка. Она записала время и номер торгового уровня.

На двенадцатом уровне башни «Соломон» было тише. Длинный коридор тянулся между рядами дверей. На стенах серо-голубой пластик местами треснул; одну трещину кто-то заклеил

канцелярским скотчем. Джулия сфотографировала её, потом постучала в дверь гостевой комнаты.

Никто не ответил.

Комната была маленькой: койка, стол, терминал с дрожащим экраном. Джулия подключила планшет и открыла публичные данные станции. Первые цифры загрузились быстро. Потом экран завис.

Она отключила кабель и попробовала снова.

На этот раз появились карты, списки персонала и отчёты «Сигсон». Часть файлов оказалась старой. Некоторые ссылки вели на пустые страницы. Данные о численности населения расходились: публичный отчёт указывал почти пять тысяч жителей, реестр жилых помещений — около пятисот.

Джулия сохранила обе версии.

В таблице персонала она нашла даты закрытия модуля «Джемини». Сегмент перестал работать в феврале две тысячи тридцать шестого года. Список сотрудников обрывался на том же месяце. Несколько человек значились переведёнными, остальные — уволенными.

Она потянулась к следующему файлу, но терминал погас.

На экране отразилось её лицо.

Джулия нажала кнопку питания. Терминал не отреагировал. Через секунду свет вернулся сам, и на экране появилось сообщение: «Сеанс завершён. Повторный доступ временно ограничен».

— Удобно, — сказала она.

Она сфотографировала сообщение и вынула кабель.

В столовой на том же уровне сидел мужчина в рабочей куртке. Он ковырял вилкой серую массу на подносе и смотрел на экран над стойкой. На экране крутилась реклама: «Рабочим Джо можно доверять. Всегда рядом. Всегда готов помочь. Всегда работает для вас».

Джулия показала удостоверение.

— Можно задать несколько вопросов?

Мужчина взглянул на удостоверение, потом на неё.

— Если вы из отдела персонала, мне ничего не должны.

— Я независимая журналистка.

— Тогда вам здесь не рады.

— Это станция или вы лично?

— Пока не решил.

Она присела напротив.

— Как вас зовут?

— Лопес. Техник. Иногда.

— Что значит «иногда»?

— Когда есть работа. Когда есть зарплата. Когда система считает, что я ещё числюсь.

Джулия выключила звук на планшете, но оставила его на столе экраном вверх.

— Не записывайте меня.

— Хорошо.

— И не фотографируйте.

— Хорошо.

Лопес перестал ковырять еду.

— Вы обещаете быстро.

— Обещаю не тратить ваше время.

— Здесь все независимые, — сказал он. — Особенно от зарплаты.

Джулия не улыбнулась, чтобы не превратить его слова в удачную цитату.

— Что случилось с «Джемини»?

— Однажды пришли на смену, а двери уже закрыты. На терминалах — уведомления об увольнении. Некоторые узнали, что их перевели, только когда попытались получить оплату.

— А оборудование?

— Часть демонтировали. Часть упаковали. Остальное осталось за опечатанными дверями.

— Почему закрыли весь модуль?

— Спросите «Сигсон».

— Я спрашиваю вас.

Лопес оглянулся на стойку. За ней сотрудник раскладывал подносы. На другом конце зала двое спорили из-за свободного места.

— Потому что он перестал приносить деньги, — сказал Лопес. — А здесь теперь всё должно приносить деньги.

— Даже безопасность?

— Безопасность особенно.

Джулия включила запись.

Лопес заметил.

— Я же просил не записывать.

Она немедленно остановила запись.

— Вы правы. Извините.

Он изучал её лицо, ожидая, что она начнёт оправдываться.

— Андроиды тоже стали работать хуже? — спросила она.

— «Джо»? Они всегда были простыми. Теперь ещё и зависают.

— Как часто?

— Зависит от сектора. На прошлой неделе один остановился посреди транзитной линии. Капсула не могла объехать. Люди ждали сорок минут, пока техник добрался и перезагрузил его вручную.

— АПОЛЛО не может перезапустить андроида дистанционно?

Лопес пожал плечами.

— АПОЛЛО должен управлять станцией. Иногда он отвечает. Иногда — нет. Иногда отвечает не на тот вопрос.

— Вы сообщали об этом?

— Конечно.

— Что вам сказали?

— Что инцидент закрыт.

— А он был закрыт?

— Андроид снова двигается. Значит, в отчёте закрыт.

Джулия убрала планшет в сумку, не включая запись.

— Маршал Уэйтс что-нибудь делает?

Лопес подвинул поднос.

— Уэйтс пытается. Честно пытается. Только у него людей не хватает. Бюро Безопасности — это он да ещё пара человек. Остальные либо уволились, либо…

Он замолчал.

— Либо что?

Лопес посмотрел на неё.

— Либо Синклер.

— Кто такой Синклер?

— Был из Бюро. Теперь сам по себе. Уэйтс его выгнал, но контракт ещё не закрыт. Или закрыт. Кто разберёт? Бумаги здесь застревают быстрее капсул.

— Чем он занимается?

— Тем, чем здесь занимается каждый, кто знает, где достать нужную вещь.

— Контрабанда?

— Я этого не говорил.

Лопес поднялся, забрал поднос и направился к стойке.

— Вы не назвали фамилию, — сказала Джулия ему вслед.

— Не называйте и вы мою.

Она осталась сидеть. В заметках появились три имени: Уэйтс, Синклер, Лопес. Последнее она пометила как «не публиковать без согласия».

В тот день Джулия не стала сразу писать статью. Она вернулась к терминалу, дождалась, пока тот снова заработает, и сверила данные из двух реестров. Потом попыталась открыть журнал неисправностей. Доступ был ограничен.

На второй день она пошла в торговую галерею. Очередь у киоска стала длиннее. Андроид всё ещё обслуживал покупателей, но теперь делал это с одинаковой паузой после каждого вопроса.

— Назовите товар, — произнёс он.

— Фильтр для водяного контура.

Андроид повернул сканер к коробке.

— Пожалуйста, предъявите товар.

Продавец положил коробку на прилавок.

Андроид просканировал её.

— Цена не определена.

— Ты вчера определял, — сказал продавец.

— Пожалуйста, предъявите товар.

— Он у тебя перед глазами.

Андроид поднял голову. Очередь загудела.

Джулия включила камеру.

Продавец заметил и прикрыл объектив ладонью.

— Не надо снимать.

— Почему?

— Потому что завтра люди увидят это и решат, что всё пропало.

— А вы так не думаете?

— Я думаю, что мне надо продать фильтр, пока он вообще есть.

Она опустила планшет.

— Можно без имени? Расскажите, как давно он так работает.

Продавец посмотрел на очередь.

— Уходите. Если меня уволят, статья не купит мне билет отсюда.

Джулия отошла. Из-за её плеча андроид снова произнёс: «Цена не определена».

Позже она увидела объявление о закрытии ещё двух торговых точек. Попросила администратора объяснить, но тот показал на табличку: «Вопросы — к руководству сектора». Руководство сектора отправило её в корпоративную пресс-службу. Пресс-служба ответила шаблонным письмом: «Севастополь продолжает оптимизацию ресурсов в соответствии с планом развития».

Джулия сохранила письмо.

Вечером она прошла жилой уровень. В одном коридоре дети играли в мяч между двумя дверями. Мяч ударялся о стену, отскок катился к аварийному щитку. Мальчик лет восьми подхватил его, прежде чем тот коснулся панели.

Дверь одной из комнат открылась. Женщина в рабочем комбинезоне выглянула в коридор.

— Потише, — сказала она детям. — Тут скоро отключат свет.

— Когда? — спросила Джулия.

Женщина посмотрела на неё.

— Вы кто?

Джулия показала удостоверение и сразу добавила:

— Я не буду фотографировать детей.

Женщина не смягчилась, но дверь не закрыла.

— Вы пишете про станцию?

— Да.

— Тогда напишите, что нас отсюда не выпускают.

— Двери закрыты?

— Двери открыты. Билет стоит денег. Корабли ходят всё реже. Мужу задолжали за два месяца, у меня смены через день. Куда мы должны выйти?

Джулия убрала планшет.

— Можно записать ваши слова без имени?

— Нет.

— Можно я запишу это для себя, не публикуя?

Женщина помедлила.

— Запишите. Но детей не упоминайте.

Джулия записала цитату от руки и показала ей экран, чтобы та проверила формулировку.

«Мы здесь заперты. Не потому что двери закрыты. Потому что у нас нет денег на выход».

Женщина прочитала, вернула планшет и позвала детей внутрь.

На третий день Джулия снова встретилась с Лопесом. На этот раз он ждал её у автомата с напитками.

— Я не могу подтвердить всё, что сказал, — произнёс он.

— Я и не прошу.

— Но если вы напишете про Синклера, люди решат, что он главный виноватый.

— А он не главный виноватый?

— Я не знаю, кто главный. Тут каждый тянет в свою сторону. Уэйтс держит порядок, как может. Синклер держит свои каналы. «Сигсон» держит деньги. АПОЛЛО держит двери закрытыми, когда ему так сказали.

— Кто сказал?

Лопес замолчал.

— Вы видели приказ?

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

— Потому что двери закрываются.

— Это не доказательство.

— На Севастополе доказательств не осталось. Только то, что успеешь увидеть, пока тебя не прогнали.

Он ушёл раньше, чем Джулия успела задать следующий вопрос.

Она провела остаток дня, проверяя документы. Публичные данные показывали почти пять тысяч жителей. В реестре помещений оставалось около пятисот действующих мест. «Сигсон» называла закрытие «Джемини» временной оптимизацией; бывшие сотрудники говорили об увольнении и вывозе оборудования. В журнале неисправностей значились повторные сбои андроидов, но доступ к полным отчётам был заблокирован.

Сведения складывались в картину. Не в ту, которую можно было бы опубликовать без оговорок, но достаточно ясную, чтобы задать вопросы.

Джулия написала первую статью в гостевой комнате. Назвала её «Севастополь: станция, которую забыли». Она убрала имя Лопеса, не включила детей и не использовала фотографии людей из очереди. Снимки закрытых магазинов и андроида оставила.

Перед отправкой на Землю появилось предупреждение: «Материалы могут содержать информацию, защищённую соглашением о конфиденциальности». Под ним была кнопка подтверждения.

Джулия перечитала статью. В последнем абзаце написала: «Компания утверждает, что станция проходит оптимизацию. Жители Севастополя называют это иначе: они не знают, когда придёт следующая поставка, когда восстановят зарплату и сколько ещё продержится система жизнеобеспечения».

Она нажала «Отправить».

Статья вышла шестого сентября. В течение недели её процитировали несколько отраслевых изданий. Три партнёра «Сигсон» объявили о пересмотре вложений в Севастополь.

Джулия увидела сообщения о реакции компаний на экране общей зоны. В том же потоке новостей шли официальные заявления «Сигсон»: «Все обязательства перед жителями станции выполняются в полном объёме».

Она сохранила оба сообщения.

В башне «Лоренц» Рэнсом прочитал статью в корпоративной рассылке. Кабинет был чистым и светлым; вентиляция работала без перебоев. Он дочитал материал, открыл список партнёров и проверил уведомления о выходе партнёров из проекта.

На экране мигнуло новое сообщение от Баркера, старшего менеджера «Сигсон»:

«Публикация уже разошлась. Что вы намерены предпринять?»

Рэнсом ответил:

«Журналистка. Разберитесь до презентации. Тихо».

Потом открыл календарь. В расписании стояла презентация андроидов для потенциальных клиентов. До неё оставалось меньше недели.

На Севастополе Джулия уже собирала материал для следующей статьи. Она вернулась в жилой сектор, проверила записи и снова попыталась открыть журнал неисправностей. Доступ оставался закрыт.

Вторая статья, «Чёрный рынок — единственный рынок», вышла десятого сентября. Джулия описала перебои с официальными поставками и людей, которые доставляли на станцию лекарства и детали в обход закрытых каналов. Она не назвала Синклера. Не назвала Франко. И не стала выдавать догадки за подтверждённые факты.

После публикации ей пришло письмо от корпоративной пресс-службы: «Просим предоставить источники сведений о незаконной торговле и воздержаться от распространения неподтверждённых обвинений».

Джулия сохранила письмо и отправила запрос о комментарии. Ответа не получила.

Двенадцатого сентября вышла третья статья — «Вооружённые и озлобленные». В ней говорилось о грабежах и праве на оружие, которое когда-то считалось частью безопасности станции, а теперь усиливало страх. Жители рассказывали, что стараются не выходить из жилых отсеков в часы, когда освещение переключается в тусклый режим экономии.

Четвёртую статью Джулия закончила четырнадцатого сентября. Она называлась «Конец».

Её источник работал в среднем звене управления и попросил не записывать имя. Он не прислал документ, который можно было бы опубликовать, но сообщил: решение о демонтаже станции уже принято. Джулия задала ему трижды один и тот же вопрос — точно ли это не проект и не предварительное предложение.

«Решение принято», — ответил он.

Джулия описала сведения как слова источника и отдельно указала, что «Сигсон» не подтвердила решение. Перед отправкой она позвонила в пресс-службу ещё раз. Там пообещали ответить письменно.

Ответ не пришёл.

Четвёртая статья вышла в тот же день.

На следующее утро Джулия увидела объявление о встрече с администрацией станции. Двери конференц-зала были закрыты, но через стекло она различила несколько знакомых лиц: представители «Сигсон», руководители секторов, два человека в одинаковых тёмных костюмах.

Она подняла планшет. Охранник у дверей сделал шаг в её сторону.

— Съёмка запрещена.

— Это общественная встреча?

— Нет.

— Тогда почему она в расписании для сотрудников?

— Съёмка запрещена.

Джулия опустила планшет. Один из людей за стеклом повернул голову и заметил её. Она узнала Рэнсома по фотографии в корпоративном справочнике.

Он не подошёл. Только что-то сказал человеку рядом, и тот вышел в коридор.

— Джулия Джонс? — спросил он.

— Да.

— Вы получили письмо от пресс-службы?

— Получила.

— Ваши статьи содержат неподтверждённые сведения.

— В них указано, что компания не ответила на запрос.

— Мы ответили.

— Вы прислали предупреждение, а не комментарий.

Мужчина сложил руки за спиной.

— Севастополь — сложная инфраструктурная система. Сокращение расходов не означает отказа от обязательств.

— Тогда подтвердите, что станцию не будут демонтировать.

Он посмотрел на неё без улыбки.

— Я не уполномочен обсуждать внутренние решения.

— Но уполномочены называть мои материалы неподтверждёнными?

— Все ваши материалы мне и так известны, — сказал он. — Впереди вас ждёт интересная поездка.

— В смысле?

— Безопасных полётов, мисс Джонс.

Мужчина не ответил. Из зала за его спиной донёсся голос Рэнсома:

— Баркер, мы начинаем.

Дверь закрылась.

Джулия стояла в коридоре, пока охранник не попросил её отойти. Потом вернулась в гостевую комнату и проверила сообщение редактора. Марк написал: «Тексты сильные. Но если есть документы по демонтажу — пришли. Не хочу, чтобы нас поймали на одной неподтверждённой цифре».

Джулия перечитала свои записи. Цифры населения различались; она обозначила это в статье. Решение о демонтаже подтвердил один источник, и она прямо указала, что официального объявления пока нет. Она не могла сделать материал бесспорным. Но могла быть точной насчёт того, чего не знала.

Двадцатого сентября Джулия покинула станцию на шаттле с очередными гражданскими пассажирами — рейсов оставалось всё меньше. Перед отлётом она ещё раз посмотрела на коридор у шлюза. Андроид Джо-3317 всё так же стоял у стены. На этот раз его глаза не мигали.

Когда шаттл отделился от Севастополя, станция начала медленно уменьшаться в иллюминаторе. Три башни вращались в тусклом свете KG-348. На одной из них голограмма «Сигсон» снова распалась на пиксели.

Джулия открыла свои статьи и проверила, что копии сохранены вне корпоративной сети. Потом закрыла планшет.

Она написала правду — настолько, насколько могла её подтвердить. Этого оказалось недостаточно, чтобы остановить демонтаж, вернуть зарплаты или заставить «Сигсон» ответить на вопросы.

Но где-то на станции остались её фотографии и слова людей, которые не хотели исчезнуть из отчётов безымянной строкой.

Джулия смотрела, пока Севастополь не стал маленькой точкой на фоне планеты. Потом отвернулась к следующему заданию. Она ещё не знала, что скоро ей придётся вернуться за следующим материалом.

Глава 3. Врач.

5 октября 2137 года

Каора Лингард не спала почти сутки. Она сидела за столом в кабинете и сверяла две ведомости, хотя уже знала, что цифры не сойдутся.

На одной значились лекарства, оставшиеся в госпитале. На другой — препараты, которые должны были поступить до конца месяца. Между ними зияли пустые строки.

За стеной щёлкнуло реле. Свет на секунду ослаб, затем вернулся. Лингард поставила отметку напротив очередной позиции: «не получено».

Сан-Кристобаль занимал три яруса научной башни. Четвёртый закрыли в марте, когда «Сигсон» прекратила финансировать отделение интенсивной терапии. Часть оборудования вывезли, часть оставили под чехлами. Палаты опустели не сразу — некоторых пациентов перевели, некоторых отправили домой, а нескольких некуда было отправлять.

Теперь госпиталь готовили к частичной эвакуации. По плану часть пациентов должны были перевезти в жилые сектора, а оборудование — описать и подготовить к демонтажу. Лингард подписала документы, но не дала согласия на то, чтобы вывозили всё подряд. В реестре она оставила аппараты, которые использовались прямо сейчас.

До конца месяца оставалось почти четыре недели. Рэнсом не отвечал на её запросы о лекарствах. «Сигсон» не сообщала, когда будут следующие поставки. Госпиталь продолжал работать, но каждое утро приходилось выбирать, кому достанется то, чего не хватало всем.

Лингард отложила ведомость и потёрла переносицу.

— Доктор?

Мозес Морли стоял в дверях с планшетом.

— Да?

— Кульман снова в хранилище.

Она поднялась так быстро, что стул ударился о стену.

Хранилище располагалось рядом с процедурными. У двери ждал доктор Юрген Кульман. Карта доступа была зажата в его пальцах. Морли стоял напротив, не пропуская его внутрь.

— Что происходит? — спросила Лингард.

— Моя карта заблокирована, — сказал Кульман. — Я не могу получить препараты для обхода.

— Какие именно?

— Анальгетики.

— Какие пациенты их ждут?

Кульман бросил взгляд на Морли.

— Я не обязан обсуждать назначения в коридоре.

— Тогда обсудим в кабинете.

— Доступ верните сейчас.

— Нет.

Кульман выпрямился. Его лицо побледнело, но голос стал громче.

— Вы не можете лишать врача доступа к лекарствам.

— Я заблокировала вашу карту после проверки журнала.

— На каком основании?

— Три входа в хранилище между двумя и четырьмя часами ночи. Категория С. Расход не совпадает с назначениями.

Кульман на миг замолчал.

— Это были экстренные случаи.

— Назовите пациентов.

— Я не помню всех по имени.

— У вас четверо пациентов, которым назначали сильные анальгетики за последние две недели. Я проверила их карты. Ни один из них не получал препараты в те ночи.

— Вы обвиняете меня в краже?

— Я говорю, что журнал доступа не совпадает с медицинскими записями. Пока это не объяснено, к хранилищу вы не войдёте.

— Это формальность.

— Тогда объяснение не должно стать проблемой.

Кульман взглянул на Морли, словно ожидал поддержки. Морли не отвёл глаз, но и не вмешался.

— У меня есть пациенты, которым больно, — сказал Кульман.

— У меня есть журнал назначений, где ваших пациентов нет, — ответила Лингард. — Вы можете подать жалобу. Но сначала принесёте список процедур и дозировок, которые, по вашим словам, провели.

Кульман сжал карту.

— Вы пожалеете, что поставили меня перед выбором.

— Я уже поставила. Теперь выбирайте.

Он развернулся и ушёл. Карта осталась у него в руке.

Лингард посмотрела на Морли.

— Ты видел, что он забрал?

— Нет.

— Хорошо. Проверь остатки категории С. Сверь по ампулам, не только по журналу.

— Понял.

— И никому не говори, что именно пропало.

Морли кивнул. Лингард уже привыкла к его кивкам: поручение он выполнит.

На обратном пути в кабинет она зашла в палату четвёртого блока. Карлтон Мерсер лежал на боку, подогнув колени. Монитор показывал ровный пульс. На тумбе стоял нетронутый стакан воды.

— Доктор? — он открыл глаза. — Вы знаете, где моя жена?

Лингард подтянула стул к кровати.

— Как её зовут, Карлтон?

Он нахмурился.

— Элен. Она должна была прийти после смены.

Элен Мерсер умерла три недели назад. Лингард сама подписала свидетельство и видела, как её тело увезли из палаты.

— Она не придёт сегодня, — сказала Лингард. — Вы останетесь здесь, пока мы не подготовим перевозку.

Карлтон отвернулся к стене.

— Я не поеду без неё.

— Сейчас вам не нужно принимать решение.

— Она не любит, когда я ухожу один.

Лингард поправила одеяло. Карлтон не сопротивлялся, но продолжал смотреть в стену.

В коридоре Морли ждал с планшетом.

— Остатки проверил?

— Да. Пропало больше, чем следует по журналу. Но часть могла уйти на экстренные назначения.

— Могла?

— Я не нашёл отметок.

— Продолжай проверку. Не обвиняй никого, пока не сверишь смены.

— Кульман?

— Особенно Кульман.

Морли посмотрел на дверь палаты.

— Мерсеру сказали про жену?

— Нет.

— Он ведь всё равно узнает.

— Возможно.

Морли ничего не ответил. Они пошли обратно к кабинету.

На столе лежали три папки. В первой — план перевозки пациентов. Во второй — инвентаризация оборудования. Третья была без надписи; внутри Лингард хранила собственные записи о дефиците, обменах и расхождениях в учёте.

Она открыла папку с инвентаризацией. В списке значились четыре аппарата искусственной вентиляции лёгких. Два работали в реанимации, третий стоял в резерве — у пациента в изоляторе. Четвёртый был неисправен.

Внизу страницы оставалось место для подписи.

Морли положил рядом новый документ.

— Кроуфорд прислал график. Опись идёт с первого октября. Он хочет получить список оборудования к четырнадцатому.

— Сегодня пятое октября.

— Это исправленная версия. Он говорит, сроки перенесены, но прислал вчерашний файл.

Лингард проверила дату отправки. Документ действительно поступил сегодня, однако в заголовке оставалось старое число.

— Не подпишу, пока не сверю каждый аппарат, — сказала она.

— Кроуфорд будет недоволен.

— Он может прийти и объяснить, зачем ему аппараты, которые подключены к пациентам.

Она вписала в графу примечаний: «Три аппарата задействованы: два в реанимации, один резервный — у пациента в изоляторе. Четвёртый неисправен».

— Передай ему, — сказала она.

— Лично?

— Пусть увидит подпись.

Морли взял папку, но не ушёл.

— Есть ещё сообщение от Уэйтса. Пришло на моё имя, но касается перевозки.

Лингард протянула руку. Морли передал планшет.

Уэйтс сообщал, что перевозку пациентов на медицинском транспорте перенесли на шестое октября. Бюро Безопасности не хватало людей для сопровождения. Нижние ярусы были беспокойны; пациентов с нарушенной ориентацией предлагалось перевозить в анабиозе либо под седацией, чтобы снизить риск инцидентов.

Лингард прочитала сообщение ещё раз.

— «Снизить риск», — повторила она. — Удобные слова.

— Он не требует седировать всех, — сказал Морли. — Только нестабильных.

— А кто будет решать, кого считать нестабильным? Кроуфорд? Уэйтс? Я?

— Вы.

Она посмотрела на него.

— Хорошо. Тогда решать буду я.

Лингард открыла список пациентов. Рядом с фамилией Мерсера стояла отметка: «Перевозка — при наличии медицинского сопровождения». Она стёрла её и написала: «Требуется индивидуальная оценка. Седация — только после осмотра».

— Подготовь камеры анабиоза, — сказала она. — Но пока никого не подключать. Сначала сверим состояние каждого пациента.

— Понял.

— И найди, кто будет сопровождать перевозку. Одного санитара недостаточно.

— Уэйтс пишет, что людей нет.

— Тогда он сам должен решить, что важнее: провести пациентов безопасно или выполнить график Кроуфорда.

Морли забрал планшет.

— А Кульман просил допустить его к обходу.

— Он уже объяснил ночные входы?

— Нет.

— Тогда в хранилище не пускать.

— Он всё ещё врач.

— И всё ещё не объяснил, куда делись препараты.

Морли кивнул и вышел.

Лингард осталась одна. Она открыла третью папку. Красные отметки шли одна за другой: «Недостача. Категория С. Повтор». Ниже — записи синими чернилами: «Антибиотики от посредника», «Перевязочные материалы — обмен», «Рэнсом в курсе».

Она не начинала этот обмен. Когда «Сигсон» сократила поставки, лекарства стали появляться через нижние ярусы. Лингард могла запретить им вход в госпиталь. Тогда пациенты остались бы без антибиотиков, а на складе — без обезболивающих, которые всё равно кто-нибудь рано или поздно нашёл бы.

Она продавала небольшие излишки, получая взамен то, чего не было в официальных поставках. Не ради денег. Ради того, чтобы в госпитале оставалось хоть что-то, кроме пустых ампул и списков ожидания.

Рэнсом знал. Он не остановил её и не предложил другого решения. Иногда он приезжал с проверкой, подписывал бумаги и задавал вопросы о расходах. Лингард отвечала ровно настолько, чтобы разговор не продолжался.

Каждая такая встреча напоминала ей: он может закрыть глаза на её сделки, а может в любой момент открыть их перед Уэйтсом.

Интерком завибрировал.

На экране появилось имя Рэнсома.

Лингард не ответила сразу. Посмотрела на папку, на записи о пропавших препаратах и на список пациентов, которых завтра могли повезти через нижние уровни без достаточной охраны.

Интерком завибрировал снова.

— Доктор Лингард, — произнёс Рэнсом, когда она приняла вызов. — Мне сообщили о недостаче препаратов.

— Мне тоже.

— И о ваших неофициальных записях.

— Тогда вам сообщили достаточно.

— Я предпочёл бы обсудить это лично.

— Сейчас я занята пациентами.

— Разумеется. Но вы понимаете, что проверка может затронуть не только Кульмана.

Лингард закрыла папку.

— Вы хотите, чтобы я исправила цифры?

— Я хочу, чтобы вы не делали резких выводов до проверки.

— Я не сделала ни одного вывода. Я заблокировала доступ и запросила объяснение.

— Хорошо. Оставьте это так.

— А лекарства для госпиталя?

— Я проверю, что можно получить.

— Когда?

— Как только появится возможность.

— У меня пациенты не могут ждать, пока появится возможность.

Рэнсом помолчал.

— Не превращайте недостачу в скандал, доктор. Сейчас всем лучше сохранять спокойствие.

Лингард посмотрела на папку с отметками.

— Спокойствие не лечит боль.

— Нет, — сказал Рэнсом. — Но иногда помогает пережить день.

Связь оборвалась.

Лингард положила интерком на стол. В коридоре открылась дверь хранилища. Она вышла проверить.

Кульман стоял у порога вместе с Морли. В руках у него была карта доступа; лицо осунулось, воротник халата перекосился.

— Я хочу работать на обходе, — сказал он. — Не в хранилище. В палатах.

— Почему?

— Потому что там пациенты.

— Это не ответ.

— Я не брал препараты для себя.

— Тогда для кого?

— Для людей, которым не оформляли назначения. Те, кто не мог ждать врача. Те, кому больно. — Кульман помолчал. — Я не мог слушать, как они кричат по ночам. Мы вообще перестали слушать.

— И сколько ампул ты унёс?

— Я не считал.

— Ты врач. Ты должен был считать.

— Я думал, что верну.

— Чем?

Кульман не ответил.

Лингард ждала. За его спиной в палате запищал монитор. Морли повернулся на звук, но остался у двери.

— Ты больше не входишь в хранилище, — сказала Лингард. — На обходе работаешь под надзором Морли. Каждое назначение записываешь до процедуры. Если обнаружится ещё одна недостача, я передам журналы Уэйтсу.

Кульман сжал карту.

— Понял.

— Ты не свободен от ответственности, Юрген. Но пациенты не должны платить за твои решения.

Он кивнул и прошёл в палату. Морли пошёл следом.

Кульман дождался, пока Лингард уйдёт в четвёртый блок, и вернулся к хранилищу.

На этот раз он не приложил карту к считывателю. Достал из кармана планшет, вошёл в журнал назначений и открыл карту пациента, которого Лингард осматривала утром. Несколько

быстрых нажатий — и в графе «обезболивание» появилась запись о двух ампулах категории С. Кульман указал время, дозу и поставил электронную подпись.

Он задержал палец над кнопкой подтверждения.

Так запись будет выглядеть убедительно: пациент действительно жаловался на боль, а назначение не вызовет вопросов при беглой проверке. Если Лингард сверит время с журналом процедур, она увидит, что препарат выдан до осмотра. Если посмотрит остатки — недостача останется. Но к тому времени Кульман надеялся объяснить её иначе.

Он нажал «Сохранить».

На экране появилось предупреждение: «Изменение задним числом. Требуется подтверждение старшего врача».

Кульман выругался и отменил запись.

В коридоре послышались шаги. Он убрал планшет и отошёл от двери хранилища. Прошёл мимо Морли, будто направлялся в палату, и остановился у тележки с расходниками.

— Ты закончил обход? — спросил Морли.

— Нет. Ищу перевязочный материал.

— В палате двенадцать?

Кульман посмотрел на него.

— Там пациент с открытым швом.

— Я был там пять минут назад. Шов сухой.

— Тогда в четырнадцатой.

— Там только что сменили повязку.

Кульман резко захлопнул ящик тележки.

— Ты теперь следишь за каждым моим шагом?

— Мне поручили сверить препараты.

— Лингард поручила?

— Да.

— Скажи ей, что я не крал лекарства. Я выдавал их пациентам.

— Тогда внеси назначения.

— Я внесу.

Морли не двинулся.

Кульман прошёл в палату, выбрал пациента с послеоперационной болью и проверил его карту. Назначение было старым, дозу уже выдали утром. Он мог бы добавить ещё одну ампулу, но это стало бы заметно. Вместо этого Кульман поправил пациенту одеяло и спросил, как тот себя чувствует.

— Болит, — ответил пациент.

— Насколько сильно?

— Терпимо.

Кульман кивнул, будто получил подтверждение, которого ждал.

— Я посмотрю, что можно сделать.

Он вышел и вернулся к планшету. В карте другого пациента нашёл запись о ночном приступе боли, который никто не зарегистрировал. Кульман добавил комментарий: «Выдано по просьбе дежурной смены. Устное назначение старшего врача».

Теперь у пропажи была бумажная причина. Не очень хорошая, но лучше пустой строки.

— Юрген.

Лингард стояла в дверях кабинета. Она держала в руках распечатку журнала выдачи.

Кульман заблокировал экран.

— Что?

— Ты вносил изменения в карты пациентов?

— Исправлял недостающие записи.

— Задним числом?

— Дежурные забывают оформлять назначения.

Лингард положила распечатку на тележку.

— Эти записи появились после того, как я заблокировала твою карту.

— Значит, я наконец навёл порядок.

— Время выдачи совпадает с твоими входами в хранилище. Но пациенты, которых ты указал, находились в других палатах.

Кульман посмотрел на распечатку. На мгновение его лицо стало пустым.

— Это ошибка системы.

— Система фиксирует, где находился пациент и кто подписал назначение.

— Ты решила, что я вор, и теперь всё подгоняешь под это.

— Я пока решила только то, что ты меняешь карты после проверки.

— Я пытаюсь закрыть дыры, которые вы оставили.

— Ты пытаешься сделать так, чтобы недостача выглядела назначенной.

Морли стоял у двери палаты. Кульман заметил его и понизил голос.

— Если вынести это за пределы госпиталя, пострадают все. Не только я. Проверят каждую выдачу, остановят обмены. У пациентов заберут то, что ещё осталось.

— Ты не можешь прикрываться пациентами каждый раз, когда тебя ловят.

— А ты можешь?

Лингард не ответила сразу.

Кульман отступил от тележки.

— Я не продавал препараты, — сказал он. — Я помогал тем, кому не хватало назначения. Это не одно и то же.

— Тогда назови пациентов и объясни каждую дозу.

— Я не помню.

— Вот именно.

Он отвёл взгляд.

Лингард забрала распечатку.

— До завершения проверки ты не имеешь права работать с хранилищем и менять медицинские карты. На обходе будешь под надзором Морли. Каждое назначение — до процедуры, не после.

— Ты не можешь запретить мне лечить людей.

— Я запрещаю тебе подделывать записи.

Кульман сжал губы, но спорить не стал. Он направился к палате, где лежал пациент с послеоперационной болью. Морли пропустил его, однако пошёл следом.

Лингард осталась у тележки. На экране планшета мерцала отметка о несохранённом изменении. Кульман успел убрать запись, но не успел стереть след попытки.

Она внесла это в журнал проверки.

Потом закрыла планшет и пошла в палату к Карлтону Мерсеру. Сегодня ей предстояло решить, кого можно перевозить, кому требуется седация и сколько препаратов останется после смены. Теперь — ещё и следить, чтобы никто не превращал эти решения в оправдание задним числом.

Лингард вернулась в четвёртый блок. Карлтон Мерсер проснулся и смотрел на дверь.

— Доктор?

— Я здесь.

— Элен приходила?

Лингард остановилась у кровати. На этот раз не стала поправлять одеяло.

— Нет, Карлтон. Элен умерла три недели назад.

Он долго смотрел на неё. Потом перевёл взгляд на стакан воды.

— Я забыл.

— Знаю.

— Я обещал ждать её.

— Да.

— Тогда не увозите меня.

Лингард проверила его пульс. Руки Карлтона были тёплыми, дыхание ровным. Он понимал её слова — по крайней мере, сейчас.

— Я постараюсь оставить вас здесь, пока это безопасно, — сказала она.

Это было не обещание. Он, возможно, не запомнит разницы.

На терминале уже ждала форма подготовки к перевозке. Лингард вписала имя Карлтона и оставила поле «седация» пустым.

Она прошла дальше по палатам: проверила дыхание пациентки из реанимации, выслушала жалобу на боль, переписала назначение, заменила пустой пакет для инфузии. У одной койки пришлось остановиться и вручную перезапустить монитор. У другой пациент просил узнать, когда откроют столовую.

— Я спрошу, — сказала Лингард.

Она знала, что ответа может не быть.

В конце коридора Морли вывез тележку с медицинскими принадлежностями. Кульман шёл рядом и заполнял карту пациента, не поднимая головы.

Сан-Кристобаль работал. Не так, как должен был, и не так, как Лингард хотела. Но аппараты оставались подключёнными, лекарства — распределёнными, а пациенты — под наблюдением.

В кабинете она снова открыла ведомости. Недостача никуда не исчезла. Рэнсом не обещал поставку. Кроуфорд не отменил опись. Уэйтс не нашёл людей для сопровождения.

Лингард добавила к списку перевозки новую строку: «Не перемещать без медицинского сопровождения».

Потом поставила подпись.

За иллюминатором, у самого края корпуса, висел Кей Джи-348 — ржаво-красный, полосатый. Лингард не стала смотреть на него долго. На столе мигал вызов из палаты.

Она поднялась и пошла отвечать.

***

Кроуфорд явился в Сан-Кристобаль без предупреждения и без сопровождающих.

Лингард увидела его через стеклянную перегородку: сухой мужчина в сером костюме, с планшетом под мышкой. Он стоял у стойки приёма и ждал, пока дежурная медсестра закончит перевязку. Когда она наконец подняла голову, Кроуфорд предъявил удостоверение и указал на кабинет главного врача.

— Он хочет осмотреть оборудование, — сказала медсестра, когда Лингард вышла в коридор.

— Какое именно?

— Всё, что внесено в опись.

Кроуфорд уже шёл к ним.

— Доктор Лингард. Мне сообщили, что вы задерживаете передачу оборудования.

— Я задерживаю демонтаж аппаратов, которые сейчас поддерживают жизнь пациентов.

— В документах указано четыре аппарата ИВЛ. Два можно передать в резерв.

— В резерве они уже числятся.

— Тогда их можно подготовить к перевозке.

— Один из резервных подключён к пациенту в изоляторе. Второй неисправен.

— В акте неисправность не указана.

— Я внесла её сегодня утром.

— Тогда покажите.

Лингард провела его через коридор. Он шёл быстро, не заглядывая в палаты. У реанимации остановился лишь у самой двери и посмотрел на экран с данными оборудования.

— Вот этот аппарат, — сказала Лингард. — Пациент на нём с прошлой ночи.

— Пациента можно перевести.

— Без аппарата?

— На другой уровень.

— Там нет реанимации.

Кроуфорд поднял глаза от планшета.

— Доктор, имущество — моя ответственность. Пациенты — ваша. Не путайте их.

— Тогда не просите меня передать оборудование, которое им нужно.

Он сделал отметку.

— Я не прошу. Я фиксирую отказ.

— Фиксируйте.

В реанимации коротко пискнул монитор. Лингард обернулась. Показатели оставались в пределах нормы. Она подошла к койке, проверила крепление трубки и поправила датчик на пальце пациента.

Кроуфорд стоял у двери, поглядывая на часы.

— Система жизнеобеспечения госпиталя тоже входит в опись? — спросила Лингард.

— Система общая для сектора.

— Если вы отключите питание на уровне, перестанут работать фильтры, термоконтроль и подача кислорода в палатах.

— Никаких отключений не запланировано.

— Тогда у вас не будет возражений, если я внесу это в акт.

Кроуфорд задержал палец над экраном.

— Вносите всё, что считаете нужным.

Он закончил осмотр и ушёл, так и не посмотрев на пациентов.

Лингард вернулась в кабинет. Морли ждал у двери.

— Он отметил отказ?

— Да.

— Что теперь?

— Теперь он может жаловаться.

Она положила планшет на стол и раскрыла ведомость. В графе «Технические условия демонтажа» дописала: «Не отключать питание госпитального контура до перевода пациентов и проверки резервных систем».

Морли прочитал через её плечо.

— Они могут отключить его всё равно.

— Тогда будет запись, что их предупредили.

Она поставила подпись и отправила копию Кроуфорду, Уэйтсу и технической службе.

Ответа не последовало.

Сигнал тревоги прозвучал через сорок минут.

Не общий сигнал эвакуации, а короткий двойной тон, который Лингард слышала только во время тренировок. Свет над дверью кабинета сменился с зелёного на жёлтый. На панели загорелось сообщение:

«Снижение мощности. Контур жизнеобеспечения: сектор С-4. Резервное питание включено».

Морли выскочил из процедурной.

— Что отключилось?

— Узнаю. Проверь реанимацию. Я иду к панели.

Лингард открыла системную карту. На экране мигали два участка: вентиляция восточного крыла и температурный контроль палат седьмого блока. Резервное питание держало контур, но нагрузка росла.

Она вызвала техническую службу.

— Сан-Кристобаль, Лингард. У нас сбой жизнеобеспечения в С-4. Нужен техник.

В ответ раздался треск, затем голос:

— Причина — перераспределение нагрузки. Бригада уже направлена.

— Кем утверждено перераспределение?

— Не знаю. У нас общий график работ.

— Кто его подписал?

Пауза.

— Доктор, мы проверяем.

Связь прервалась.

Лингард посмотрела на время. После визита Кроуфорда прошло меньше часа.

Она побежала в седьмой блок. В коридоре погас верхний свет, включились аварийные полосы. Из палат доносились голоса. Кто-то звал медсестру.

Морли уже проверял кислородные линии у первой койки.

— Давление падает, — сказал он. — Пока медленно.

— Переведи пациентов из седьмого блока в центральные палаты. Начни с тех, кто на кислороде.

— Их четверо.

— Возьми переносные баллоны. Не отключай никого, пока не увидишь, что новый контур работает.

Морли кивнул и позвал санитаров.

Лингард вошла в палату, где лежала пациентка с травмой грудной клетки. Та пыталась подняться, отталкивая одеяло.

— Что происходит? — спросила женщина.

— Переводим вас в другой блок.

— Я не могу дышать.

— Можете. Посмотрите на меня. Медленно вдохните.

Лингард проверила маску, затем клапан на переносном баллоне. Давление держалось, но стрелка опускалась быстрее, чем должна была.

— Морли! Нужен другой баллон.

Он подал новый. Лингард подключила его, не снимая маску с пациентки.

— Сейчас станет легче. Не трогайте ремни.

Санитар подкатил каталку. Они переложили пациентку вместе с монитором и кислородом. В коридоре уже ждали ещё двое.

Седьмой блок быстро наполнился движением: каталки, переносные баллоны, медсёстры с планшетами. Один пациент отказывался покидать палату. Другой требовал сказать, отключат ли свет во всей станции.

— Не во всей, — ответила Лингард. — Мы переводим вас в безопасную зону.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

Она прошла к последней палате. Там лежал Карлтон Мерсер. Он сидел на кровати, вцепившись в поручень.

— Элен? — спросил он.

— Нет, Карлтон. Это доктор Лингард.

— Почему темно?

— Переведём вас в соседний блок. Там свет есть.

— Я не поеду без жены.

Лингард посмотрела на монитор. Карлтон мог выдержать перевозку, если его состояние не ухудшится. Она не стала говорить ему, что Элен умерла: он уже знал, но в последние дни память подводила его чаще.

— Я буду рядом, — сказала она. — Поедем вместе с Морли.

— А Элен? — Я найду её после перевода.

Он отпустил поручень.

— Тогда ладно.

Каталку вывезли в коридор. На повороте погас и аварийный свет. Санитар остановился, едва не задев стену.

— Не двигайтесь, — сказала Лингард.

Она включила фонарь на запястье и направила луч на пол. Указатели аварийного выхода горели тускло, но ровно.

— Медленно. Впереди дверь.

Они добрались до центрального блока, где вентиляция ещё работала от основного контура. Морли распределил пациентов по палатам. Дежурная медсестра заносила время и показания приборов в общий журнал.

Когда последнюю каталку закатили внутрь, Лингард вернулась к системной панели. Резервный контур удерживал температуру и подачу воздуха, но запас мощности быстро сокращался.

Техник прибыл через двадцать минут — молодой мужчина с сумкой инструментов и следом от защитных очков на лбу.

— Что вы отключали? — спросила Лингард.

— Ничего. Мы переводили питание на научный сектор. По графику.

— Кто утвердил график?

Техник открыл планшет.

— Подпись демонтажной комиссии. Кроуфорд.

Лингард молча посмотрела на него.

— Вы отключили часть госпитального контура ради демонтажа?

— Не отключили. Перераспределили. Контур должен был перейти на резерв без перебоя.

— Но резерв не справился.

— В отчёте он указан как рабочий.

— А вы проверяли его под нагрузкой?

Техник не ответил.

Лингард нажала вызов Кроуфорда.

Он ответил со второго сигнала.

— Доктор?

— Ваш график работ отключил вентиляцию и температурный контроль в седьмом блоке.

— Контур перешёл на резерв.

— Который не выдержал нагрузки.

— Есть пострадавшие?

— Пока нет.

— Тогда техническая служба исправит проблему.

— Сначала вы прекратите работы в госпитале.

— Я не могу остановить демонтаж всего сектора.

— Я не прошу остановить весь демонтаж. Я запрещаю трогать системы, от которых зависят пациенты.

— Это не ваша компетенция.

— Пациенты — моя компетенция.

— Я внесу ваше возражение в отчёт.

— Внесите. И приложите журнал аварийного переключения.

Кроуфорд помолчал.

— Техник будет там до восстановления контура.

— Не до восстановления. До полной проверки резервного питания.

— Доктор, у нас сроки.

— У меня люди на кислороде.

Связь оборвалась.

Техник у панели отвёл глаза.

— Я не знал, что там лежат пациенты.

— Они лежат в госпитале. Это написано на двери.

Лингард показала ему журнал событий.

— Проверяйте каждый участок. Сначала вентиляцию, потом температуру, потом резервные линии.

Техник открыл сумку и достал инструмент.

— Понадобится время.

— Тогда начинайте.

Морли подошёл с планшетом.

— Все пациенты переведены. Одна женщина жалуется на головокружение, но показатели стабильные. У Мерсера усилилась тревожность. Я дал ему воду и остался рядом.

— Хорошо. Никого не седировать без осмотра.

— Понял.

— Сколько осталось переносных баллонов?

— Шесть полных. Два почти пустые.

Лингард посмотрела на часы. Седьмой блок был закрыт, а резервная система всё ещё не проверена. Кроуфорд мог попытаться возобновить работы, как только техник подтвердит восстановление.

Она открыла форму инцидента и начала заполнять её сама: время сбоя, отключённые системы, число переведённых пациентов, состояние резервного контура. В поле «предполагаемая причина» внесла: «Перераспределение нагрузки по графику демонтажной комиссии; резервная мощность не подтверждена под фактической нагрузкой».

Система попросила указать ответственного.

Лингард ввела имя Кроуфорда.

— Вы уверены? — спросил Морли.

— Да.

— Он может оспорить запись.

— Пусть.

Она отправила форму. Копии ушли Уэйтсу, технической службе и самому Кроуфорду.

У панели техник разобрал крышку распределителя. Морли вернулся к пациентам. Лингард прошла по палатам ещё раз — проверила маски, капельницы и показания мониторов. Карлтон спал. Женщина с травмой груди дышала ровнее.

Когда Лингард вернулась к панели, резервный контур снова загорелся зелёным.

— Исправили? — спросила она.

— Восстановили подачу, — ответил техник. — Но резервную линию нужно заменить. Под нагрузкой она может снова просесть.

— Сколько времени?

— Не знаю. Пару часов, если детали есть на складе.

— Проверьте.

Он ушёл за запчастями.

Морли остановился рядом с Лингард.

— Кроуфорд прислал ответ.

— Что пишет?

— Работы в госпитале приостановлены до проверки. Он не согласен с формулировкой в отчёте.

— Конечно.

— Просит убрать его имя из поля «ответственный».

— Не убирай.

— Я и не собирался.

Лингард посмотрела на закрытую дверь седьмого блока. За ней вентиляция снова работала, но теперь каждый шум системы заставлял её вслушиваться.

— Завтра никто не перевозится, пока не проверят резерв, — сказала она.

— Кроуфорд будет возражать.

— Пусть возражает письменно.

Морли записал распоряжение.

Лингард вернулась в кабинет и открыла список пациентов. Напротив каждого имени она отметила, кто может перенести транспортировку, кому нужен врач и кто зависит от кислородной линии.

У конца списка оставалась свободная строка. Она внесла туда себя: «Ответственная за медицинское сопровождение».

Потом закрыла планшет и пошла в палату Карлтона. За иллюминатором корпус станции заслонял гиганта — от Кей Джи-348 осталась только красная кромка. Внутри Сан-Кристобаля снова горел свет, но Лингард уже знала, насколько мало нужно, чтобы он погас.

— — —

Глава 4. Последний шанс.

Севастополь. Башня «Лоренц». 9 сентября 2137 года

Кабинет Бена Рэнсома на сорок четвёртом этаже башни «Лоренц» больше напоминал командный пункт, чем рабочее место. Панорамное окно занимало всю стену. За ним медленно вращался газовый гигант KG-348. На столе лежали только терминал и папка с отчётами. Кружку с остывшим кофе Рэнсом держал в руке, хотя давно перестал пить.

На одном экране были новости, на другом — внутренняя статистика станции. Третий предназначался для связи со штаб-квартирой «Сигсон». Рэнсом открывал его редко. Не потому, что не хотел говорить с Землёй. Просто знал: каждый разговор оттуда может закончиться приказом.

Он пролистал отчёт о сбоях «Джо». Сорок семь жалоб за неделю. Андроид остановился посреди коридора и не реагировал на команды. Другой повторил вопрос покупателя несколько раз, прежде чем назвать цену детали. Техникам пришлось вручную перезапустить третьего после сбоя на служебном уровне.

В соседней вкладке открылась презентация Спеддинга. Внутреннее название проекта — «Джо-Модерейт»: модернизация линейки «Джо», улучшенная координация, новые когнитивные протоколы, дешевле в обслуживании. Цифры выглядели аккуратно. Главный аргумент — стоимость: «Джо» обходился на восемнадцать процентов дешевле, чем новые синтетики «Вейланд-Ютани».

Дешевле. Не лучше. Дешевле.

Из тридцати четырёх магазинов галереи работали семь. Очередь на транспортировку росла. За последний квартал Севастополь покинули триста двенадцать человек. Рэнсом закрыл статистику. Цифры не помогали. Помогало только понимать, что делать дальше.

Спеддинг вошёл ровно в десять. На нём был чистый комбинезон, планшет он держал обеими руками. Инженер выглядел собранным, но не мог скрыть волнения.

— Садись, — сказал Рэнсом. — Покажи мне проект. Только без вступления.

Спеддинг вывел голографическую модель андроида. Рядом раскрылись графики, сравнительные таблицы и схема обновлённых узлов.

— «Джо-Модерейт» сохраняет совместимость с инфраструктурой станции, — начал он. — Улучшенная координация движений, обновлённые протоколы обработки команд, снижение затрат на обслуживание. Большинство ремонтов можно будет выполнять здесь, без заказа комплектующих у производителя.

— Сколько испытаний?

— Двадцать четыре.

— Сколько сбоев?

Спеддинг взглянул на таблицу.

— Три. Два связаны с нестабильным питанием. Один — с калибровкой.

— Один сбой на восемь испытаний.

— Это не отражает ожидаемый показатель в рабочей среде. Мы использовали нестандартные сценарии.

— Баркер спросит то же самое.

— Я подготовил объяснение.

— Хорошо. Продолжай.

Спеддинг переключил экран на блок когнитивной матрицы.

— Основное улучшение здесь. Новая версия должна увеличить время между крупными обслуживаниями. Опытный модуль сейчас проходит испытания.

— Сколько времени до завершения?

— Две недели.

— А сегодня ты представляешь проект.

— Я представляю модернизацию всей линейки. Не отдельный модуль.

— Тогда не называй его готовым.

Спеддинг нахмурился.

— Я этого и не делаю.

Рэнсом кивнул на голограмму.

— Покажи демонстрацию.

Спеддинг подключил планшет к системе. На экране возник сервисный отсек с трубами и панелью управления.

— Андроид должен обнаружить утечку, выбрать инструмент и подготовить ремонтный комплект. Обычно процедура занимает около пяти минут. В тестовом режиме — две минуты сорок секунд.

Он отдал команду. Модель «Джо» двинулась вдоль трубопровода, остановилась у соединения и подняла руку к панели. Затем замерла.

Спеддинг коснулся планшета.

— Сбой интерфейса.

— Перезапусти.

Модель ожила, сделала два шага и снова застыла.

Рэнсом посмотрел на инженера.

— Это тот самый опытный модуль?

— Нет. Демонстрационная система не подключена к новой матрице.

— Тогда зачем ты показываешь её?

— Протоколы те же. Проблема не в программной части.

— Баркер увидит остановившегося андроида.

— Я объясню.

— Он покупает не объяснение.

Спеддинг закрыл симуляцию. Руки его на секунду задержались над планшетом.

— В реальной демонстрации будет другой блок.

— Уверен?

— Да.

— Хорошо. Не говори, что модель безотказная. Говори, что ремонтировать её можно здесь. Если чего-то ещё нет — не обещай, что появится завтра.

Спеддинг выпрямился.

— Ты всё равно считаешь, что мы проиграем «Вейланд-Ютани».

— Я считаю, что не стоит убеждать себя в обратном одними таблицами.

— Если мы не попробуем, у «Джо» не будет будущего.

— Поэтому ты представишь проект Баркеру сегодня в шестнадцать ноль-ноль.

Спеддинг замер.

— Баркеру? Вице-президенту?

— Ему самому. По прямому каналу.

— Ты уже назначил встречу?

— Да.

Спеддинг собрал планшет.

— И ждёшь, что он одобрит проект?

— Я жду, что он его оценит.

Инженер посмотрел на Рэнсома, будто хотел спросить ещё что-то, но передумал и вышел.

Рэнсом проводил его взглядом. Спеддинг верил в свои цифры. Это было его право. Рэнсом верил в людей — и в то, что они делают с цифрами.

В шестнадцать часов прямой канал на Землю открылся с задержкой. Сначала экран показал служебный логотип, потом лицо Баркера, вице-президента по производству «Сигсон». Тяжёлое лицо, неподвижный взгляд. Баркер смотрел не столько на собеседников, сколько сквозь них.

— Начинайте, — сказал он.

Спеддинг вывел модель «Джо-Модерейт».

— Проект модернизации линейки «Джо». Улучшенная координация, новые когнитивные протоколы и сниженные расходы на обслуживание. Цель — увеличить ресурс платформы и сохранить совместимость с инфраструктурой Севастополя.

Он говорил ровно, показывая таблицы и результаты испытаний. Баркер не перебивал.

Когда на экране появилась сравнительная таблица, Баркер чуть подался к камере.

— Что вы противопоставляете продукции «Вейланд-Ютани»?

— Стоимость, — ответил Спеддинг. — «Джо-Модерейт» дешевле новых синтетиков «Вейланд-Ютани» на восемнадцать процентов. Его можно обслуживать на месте, не ожидая поставок от производителя.

— А надёжность?

— Текущая платформа уступает по времени между крупными обслуживаниями. Мы рассчитываем увеличить этот показатель после установки новой матрицы.

— Рассчитываете — это прогноз или измеренный результат?

Спеддинг задержал взгляд на таблице.

— Прогноз. Модуль проходит испытания.

— Значит, вы предлагаете оценить не законченный продукт.

— Я предлагаю оценить платформу, для которой у нас уже есть инфраструктура и специалисты.

Баркер перевёл взгляд на Рэнсома.

— Вы разделяете эту оценку?

— Я разделяю оценку затрат, — сказал Рэнсом. — Надёжность проект ещё не доказал.

Спеддинг посмотрел на него, но продолжил:

— За двадцать четыре испытания произошло три сбоя. Два были связаны с нестабильным питанием. Один — с калибровкой. Причины устраняются.

— Сорок семь жалоб на «Джо» за неделю, — сказал Баркер. — В вашей таблице — три сбоя на двадцать четыре испытания. Вы не видите противоречия?

— Это испытания, а не жалобы.

— Тогда покажите мне таблицу, где они совпадают.

Спеддинг сжал планшет.

— Это можно исправить. Мы внесём все обращения и разделим их по степени серьёзности.

— После того как я задал вопрос?

— Да.

Баркер посмотрел на него несколько секунд.

— Вы просите финансирование на продолжение разработки?

— Да.

— Финансирование проекту не одобрено. И вопрос сейчас не только в андроидах. Комиссия «Джиофанд» прибудет через семь недель для оценки активов Севастополя. Вы знаете об этом, Рэнсом?

— Знаю.

— Подготовьте станцию к проверке. Полная инвентаризация оборудования и активов. Отчёт — через три недели.

— Трёх недель недостаточно для полной проверки.

— Начните сегодня.

— Опись не означает закрытие.

Баркер повторил слово, будто проверял его на вес:

— Опись. Вы хотите сказать, что после неё «Сигсон» продолжит вкладывать в Севастополь?

Рэнсом промолчал. Баркер не ждал ответа.

— И последнее, — Баркер уже подносил руку к панели. — Журналистка?

— Улетает двадцатого. Разбираемся.

— Убедитесь.

Экран погас. На нём отразилась голограмма «Джо», замершего посреди сервисного отсека.

Спеддинг стоял у двери. Рэнсом слышал, как тот дышит — глубоко, через нос.

— Заходи, — сказал он. — Закрой дверь.

Спеддинг вошёл и сел. Положил руки на колени.

— Цифры были правильными, — сказал он.

— Да.

— Они просто не нужны.

Рэнсом впервые повернулся к нему.

— Баркер оценивал не только проект. Он оценивал станцию.

— Тогда зачем устраивать презентацию?

— Чтобы решение было принято после разговора, а не только по таблице.

— Решение он уже принял.

— Да.

Спеддинг посмотрел на свои руки.

— Я пятнадцать лет строил этот участок. Мы начинали с трёх инженеров и половины рабочего стенда. Сейчас у нас команда, собственные схемы, подготовленные специалисты. Всё это можно закрыть одной строкой.

— Можно.

— И людей тоже?

— Комиссия будет считать активы. Люди в отчётах тоже станут строками.

Спеддинг поднял голову.

— Значит, это конец?

— Это значит, что у нас три недели до отчёта и шесть до комиссии.

— Что можно сделать за три недели?

Рэнсом открыл схему Севастополя. Башни, доки, жилые сектора, лабораторные помещения.

— Переориентировать оценку. Не фабрика «Джо» — исследовательская инфраструктура. Не производство, которое проигрывает конкуренту, а готовая площадка с лабораториями, системами и доступом к KG-348.

— «Джемини» закрыли.

— Да. Но часть помещений и оборудования ещё здесь.

— Сектор опечатан. Архивы распределены. Без разрешения туда не попасть.

— Выясни, что осталось и что можно восстановить. Ничего не выноси. Ничего не копируй. Сначала нужен перечень.

Спеддинг долго смотрел на карту.

— А что мы будем исследовать?

— То, чего нет у конкурента.

— Это лозунг.

— Пока.

— Без программы и без денег.

— Сначала покажи, что у нас есть. Потом будем просить деньги.

Спеддинг поднялся.

— Ты хочешь, чтобы я рискнул работой ради идеи, которой сам не веришь.

— Я хочу, чтобы ты проверил, есть ли у этой идеи шанс.

— А если комиссии будет всё равно?

— Тогда у нас будет доказательство, что мы пытались.

Спеддинг взял планшет, но не сразу направился к двери.

— Ты говоришь так, будто людей можно спасти цифрами.

— Нет. Я говорю, что пока цифры — единственное, что комиссия прочитает.

Спеддинг вышел. Дверь закрылась за ним.

Рэнсом понял, что за сорок семь жалоб кто-то заплатит. Не Спеддинг — он нужен для проекта. Не техники — они анонимны. К вечеру фамилия в отчёте появится: Смит, отдел клиентских презентаций. Провал продаж, слабая подготовка. Обычная строка. Обычная цена.

Он остался один. Баркер сказал «опись», но не сказал «продажа». Впрочем, он и не должен был. Опись, оценка, отчёт, решение. Так обычно и происходило. Семь недель Баркер дал комиссии. Синклеру он назовёт три. Запас страха в четыре недели — валюта, которая никогда не обесценивается.

Вейланд-Ютани интересовалась станцией. Не самим Севастополем — его активами: готовыми доками, лабораториями, энергосистемой, доступом к газовому гиганту. Если комиссия оценит станцию ниже установленного порога, её можно будет передать новому владельцу. Или разобрать.

Рэнсом не знал, какое решение уже обсуждали на Земле. Знал только, что его должность не защитит станцию, если цифры окажутся достаточно плохими.

Он открыл архив «Джемини». Доступ был ограничен. Часть данных перенесли, часть значилась удалённой, некоторые каталоги не имели отметки о владельце. Рэнсом запросил полный список. Система ответила: «Доступ требует согласования».

Его собственная подпись уже ничего не решала.

Рэнсом открыл внутренний канал и написал Спеддингу:

«Нужен перечень архивов и оборудования „Джемини“, не включённых в текущую опись. До завтра».

Ответ пришёл через минуту:

«Это нарушит порядок доступа».

Рэнсом набрал:

«Нужен перечень, не копии данных. Выясни, кто может законно открыть сектор».

Ответа не последовало.

Он открыл контакты. Нашёл частный адрес вне корпоративного справочника. Не штабквартира «Сигсон» — потенциальный покупатель, с которым он прежде не связывался напрямую.

Рэнсом набрал:

«Севастополь. Оценка активов перед возможной сменой собственника. Есть интерес к лабораторной инфраструктуре и архивам „Джемини“?»

Он перечитал сообщение. Удалил слово «архивам». Добавил: «оборудованию».

«Севастополь. Оценка активов перед возможной сменой собственника. Есть интерес к лабораторной инфраструктуре и оборудованию „Джемини“?»

Если сообщение перехватят, объяснить его будет трудно. Но предметом предложения были старые разработки и имущество станции — не что-то, о чём он не мог знать.

Он отправил сообщение и закрыл канал.

Потом открыл список контактов и остановился на имени Синклера. Тот знал станцию изнутри, включая те места, которых уже не было в актуальных схемах. Рэнсом знал о его контрабандных маршрутах и не спешил вмешиваться: знание было полезнее запретов.

Теперь ему требовалось больше, чем груз или услуга. Ему нужен был человек, который мог выяснить, что скрывают закрытые двери.

Рэнсом вызвал Синклера.

— Что случилось? — спросил тот после второго сигнала.

— Пока ничего. Зайди ко мне.

— Тогда зачем срочно?

— Потому что скоро может случиться.

— Понял. Иду.

Связь оборвалась.

Рэнсом поднялся. В коридоре сорок четвёртого этажа не работали два светильника. Под третьим стоял андроид «Джо» с открытой панелью корпуса. Техник пытался перезапустить его вручную.

— Он опять не отвечает, — сказал техник.

— Заявка оформлена?

— Да. Система её не принимает.

— Сохраните копию вручную.

Техник кивнул и вернулся к панели.

У лифта ждал Синклер. Руки в карманах, лицо спокойное.

— Ты искал меня? — спросил он.

— Да.

— Из-за груза?

— Нет.

Синклер посмотрел на него внимательнее.

— Тогда из-за чего?

Рэнсом указал на дверь кабинета.— Зайди. Поговорим о том, что осталось в «Джемини» — и о том, почему комиссия не должна увидеть это раньше нас.

Глава 5. Закон.

Севастополь. Башня «Соломон». Бюро Безопасности. 28 октября 2137 года.

Карта на стене Бюро напоминала поле сражения. Джетро Уэйтс стоял перед ней, заложив руки за спину, и изучал красные булавки. Каждая отмечала вызов или происшествие, попавшее в сводки маршалов.

Драка в Галерее — две булавки: участники разошлись до прибытия патруля, но один из них вернулся и разбил витрину. Кража из грузового отсека — одна. Нападение на техническую бригаду — три: два техника получили ушибы, один отделался порванной формой.

За последнюю неделю — четырнадцать отметок. На прошлой неделе — одиннадцать. Неделей раньше — восемь.

Темп рос.

Уэйтс провёл пальцем по карте от Галереи к жилому ярусу. Большинство булавок теснились в одном секторе — между торговыми рядами и космопортом. Здесь люди пересекались по нескольку раз в день: шли на смену, стояли за водой, пытались купить лекарства или узнать, когда появится свободное место на транспорт.

Там, где всем приходилось ждать, терпение заканчивалось быстрее.

— Джетро.

Рикардо вошёл без стука. Раньше Уэйтс делал ему замечания. Теперь на это не оставалось ни времени, ни сил. Рикардо держал планшет с рапортами и выглядел так, будто поспал несколько часов за последние трое суток. Но взгляд у него оставался цепким — не пропускал мелочей. Уэйтс давно научился ценить это выше бодрого вида.

— Два новых инцидента, — сказал Рикардо. — Взлом аптечного киоска на седьмом ярусе и драка в очереди за водой.

— Пострадавшие?

— Один. Техник Сигсона. Осколок стекла распорол бок. Лингард сказала, что зашьёт, но просит прислать кого-нибудь: у неё не хватает рук.

— У меня тоже не хватает рук, Рикардо.

— Знаю. После осенних увольнений нас осталось шестеро. Росс был последним, кто держался до конца.

Уэйтс снял с края стола две булавки и отметил оба вызова на карте. Металл тихо щёлкнул о панель.

— Где Тернер?

— Патрулирует жилой ярус. Гарсия в инженерном. Харрис на космопорте.

— Росс?

Рикардо чуть помедлил.

— Не явился на смену. Второй день.

— Ты связывался с ним?

— Несколько раз. Не отвечает.

Уэйтс посмотрел на карту. В бюро оставалось слишком мало людей, чтобы отказываться от любого, кто мог держать форму. Но маршал, не способный выйти на вызов, был не подкреплением, а ещё одной задачей.

— Отметь как отсутствующего. Если завтра не появится — снимай со смен.

— Джетро, мы не можем снять ещё одного. Нас и так…

— Я знаю, сколько нас. Отметь как отсутствующего.

Рикардо ничего не ответил. Внёс запись в планшет и подождал, пока Уэйтс проверит её.

— В очереди за водой что произошло? — спросил Уэйтс.

— Один человек полез без очереди. Второй его оттолкнул. Потом подключились остальные.

— Кто начал драку?

— По словам свидетелей, первый человек.

— А по записи камеры?

Рикардо развернул экран к нему.

— Камера не работала.

Уэйтс посмотрел на график системы наблюдения. Сбой начался в тот же день, когда участок перевели на резервное питание. В заявке стояло: «Ожидается обслуживание». Ни исполнителя, ни срока.

— Камера в Галерее?

— Тоже не работает.

— Космопорт?

— Одна из двух. Вторая пишет с пропусками.

— Значит, свидетели и записи у нас теперь одно и то же.

— Похоже на то.

Уэйтс забрал планшет и положил его рядом с рапортами. Севастополь ещё назывался станцией, но всё больше напоминал место, которое компания оставила доживать свой срок. Системы продолжали работать — пока могли. Заявки регистрировались, даже если никто не собирался их выполнять. На схемах всё оставалось исправным до тех пор, пока кто-нибудь не нажимал кнопку.

— Проверь, кто был у киоска, — сказал он. — Не только пострадавший и свидетели. Кому принадлежали лекарства?

— В отчёте написано, что запасы Сигсона.

— «Написано» — не ответ. Найди человека, который их учитывал. И выясни, что именно пропало.

— Хорошо.

Рикардо уже направился к выходу, когда Уэйтс остановил его:

— Росс появится — пусть сначала зайдёт ко мне. Не отправляй его на патруль.

Рикардо посмотрел на него, но не стал спрашивать почему.

— Понял.

***

Через час Уэйтс сидел за столом и разбирал рапорты. Коммуникатор мигнул корпоративной отметкой приоритета. Не экстренный сигнал, но достаточно настойчивый, чтобы отложить работу.

Уэйтс знал, кто звонит, ещё до того, как принял вызов.

— Уэйтс.

— Маршал. Рад, что застал вас на месте, — сказал Рэнсом. — Мне сообщили, что вы заняты.

— Я всегда занят.

— Тем лучше. Занятые люди надёжны. Послушайте, у меня к вам небольшая просьба.

Уэйтс закрыл глаза на секунду. «Небольшая просьба» от Рэнсома обычно означала, что в каком-то плане появилась проблема и теперь требовалось, чтобы маршал превратил её в чужую заботу.

— Слушаю.

— Сегодня на станцию прибыла комиссия «Джиофанда». Не описчики — оценщики. Вам сообщили?

— Кроуфорд вёл опись с начала октября. Об оценщиках мне не сообщали.

— Теперь знаете.

— И что вы от меня хотите?

— Комиссия будет запрашивать у вас сводки. Не я — они. Я лишь хочу, чтобы к тому моменту, как они их прочтут, сводки были точными. Точность, маршал, — это выбор формулировок.

— Вы хотите, чтобы я подделал статистику?

На другом конце возникла короткая пауза.

— Я хочу, чтобы вы представили ситуацию точно, — сказал Рэнсом. — Булавки на карте — это картина, маршал. А картину можно описать по-разному. Драка в очереди за водой — бытовое происшествие. Или проявление агрессии на почве ресурсного дефицита. Первое показывает, что люди поругались. Второе — что станция теряет контроль.

— Люди поругались, потому что кто-то полез без очереди.

— Вот и укажите это.

— Я укажу то, что подтверждают свидетели и рапорты.

— Конечно. Я прошу не менять факты. Только не добавлять к ним выводов, которых никто не делал.

Уэйтс взглянул на только что полученный рапорт. «Драка в очереди за водой». На видео — ничего. В объяснениях свидетелей — несогласованные показания. В медицинской записи Лингард — порез, потребовавший обработки.

— Я всегда точен в отчётах. Это часть моей работы. И единственная, которую мне ещё оставили.

— Именно поэтому я и звоню. И ещё одно: в Бюро Безопасности есть разговор, который я бы предпочёл не видеть в документах. Недавняя беседа с техническим персоналом о доступе к серверам. Вы знаете, о чём я.

— Нет, не знаю.

— Тем лучше. Значит, и документировать нечего. Хорошего дня, маршал.

Связь оборвалась.

Уэйтс ещё несколько секунд смотрел на тёмный экран. Рэнсом не просил его прямо солгать. Просил оставить за пределами рапорта то, что могло придать фактам другой смысл. На бумаге разница выглядела небольшой. В Бюро Безопасности именно из таких небольших разниц и складывалась работа.

Уэйтс открыл журнал вызовов за месяц. Через три дня после одного из инцидентов с охраной технический персонал запрашивал у маршалов сопровождение к серверному узлу. В записи значилось: «Проверка доступа, инициирована администрацией». Итогового рапорта не было. Не было и отметки, что запрос отменили.

Он не помнил разговора с Рэнсомом. Возможно, его и не было. А возможно, кто-то воспользовался тем, что в бюро уже не хватало людей, чтобы фиксировать каждую просьбу и каждую дверь, которую открывали без сопровождения.

Уэйтс сохранил журнал, но ничего не добавил в рапорт. Пока.

Рэнсом платил двоим из его людей — Уэйтс знал об этом давно и знал, что Рэнсом догадывается, что он в курсе. Ни одна из сторон не произносила этого вслух. Уэйтс не увольнял людей, потому что заменить их было некем; Рэнсом не требовал от него покровительства открыто. Это не было сотрудничеством. Скорее, равновесием, которое держалось на том, что всем было выгодно не проверять его прочность.

***

Вечером Уэйтс вышел в патруль один. Рикардо предлагал пойти с ним, но он отказался.

— Если нас увидят вдвоём, решат, что мы ждём неприятностей, — сказал Уэйтс. — Если меня увидят одного, решат, что всё ещё можно исправить.

— А ты так думаешь?

— Иди проверь заявки по аптечному киоску.

Рикардо не стал спорить.

Башня «Соломон» в этот час почти опустела. На жилом ярусе тянулись коридоры с дверями по обе стороны. За ними жили семьи техников, инженеров, врачей — те, кто ещё не уехал и не сумел найти место на транспорт.

Коридоры когда-то содержали в порядке. Уборочные андроиды проходили по графику, заявки на ремонт закрывались до того, как неисправность успевала стать проблемой. Теперь один из трёх уборщиков стоял отключённый в нише, второй ездил по кругу из-за сбитой навигации, а третий оставлял за собой ровную мутную полосу.

Уэйтс шёл и отмечал, что требовало ремонта. Двенадцать неработающих ламп. Три разбитые панели. Небольшая течь в трубе над технической дверью. Ничего срочного, если смотреть на каждую неисправность отдельно. Вместе они означали, что скоро ничто здесь не будет выглядеть случайностью.

Он внёс всё в планшет. Не потому, что верил в скорый ремонт. Если не записать, даже следа не останется.

У лифта стоял Джо. Он наклонился вперёд, опустив голову. Руки безвольно свисали вдоль корпуса, индикаторы в глазницах мерцали тусклым жёлтым.

Уэйтс остановился.

— Андроид. Состояние?

Реакции не последовало.

— Джо, ответь.

Андроид поднял голову. Индикаторы вспыхнули, погасли и снова загорелись.

— Функциональность снижена. Навигационный модуль требует обслуживания.

— Заявка уже подана?

— Обслуживание запланировано.

— Когда?

— Обслуживание запланировано.

Уэйтс подождал. Андроид молчал.

— Ты уже говорил.

— Приношу извинения за повторение. Системный сбой.

— Кто-нибудь вызвал техника?

— Запрос зарегистрирован.

— Когда?

Джо наклонил голову, будто обрабатывал вопрос.

— Запрос зарегистрирован.

Уэйтс открыл планшет и проверил список неисправностей в секторе. Заявка действительно была — неделю назад. В графе исполнителя стояло «ожидает распределения».

Он сделал снимок индикатора и добавил к заявке: «Остановлен в проходе. Не отвечает на повторные команды. Требуется отключение до обслуживания».

— Не стой посреди коридора, — сказал он, хотя знал, что андроид не поймёт эту фразу так, как человек.

— Приветствуем вас на станции Севастополь.

— Ты уже приветствовал.

— Приношу извинения за повторение. Системный сбой.

Уэйтс закрыл заявку и пошёл дальше. Джо остался у лифта, покачиваясь над своей неработающей системой навигации. Андроид не был преступником и не был свидетелем. Он был ещё одним неисправным устройством, которому станция не могла уделить время.

На третьем ярусе жилого сектора Уэйтс нашёл Росса.

Тот сидел на полу у стены в форменной куртке, но без значка. Рядом стояла пустая бутылка. Когда Уэйтс появился в коридоре, Росс поднял голову и попытался встать. Ноги не удержали его.

— Сиди.

Уэйтс опустился рядом. Не хотел нависать над ним, будто на допросе. Росс был слабым маршалом, но плохим человеком не был. Просто перестал справляться.

— Рикардо говорит, ты не выходил два дня.

— Да, сэр. Я… не мог.

— Почему?

Росс провёл ладонью по лицу.

— Не спал. Как закрываю глаза, слышу крики.

Уэйтс не торопил его.

— Та драка на прошлой неделе, — продолжил Росс. — Женщина кричала. Я пришёл, а их было шестеро. Я один. Тернер была на другом вызове. Я должен был что-то сделать, но…

— Ты не знал, что там шестеро, пока не пришёл.

— Я стоял и смотрел, как они её бьют. Не двинулся.

— Что случилось потом?

— Они ушли. Тернер пришла уже после. Женщина была жива. Лингард её осмотрела.

— Ты доложил, что произошло?

— Да.

— В рапорте всё есть?

Росс кивнул.

— Тогда мы будем разбираться с теми, кто напал на неё. Не с тобой.

— Я должен был вмешаться.

— Ты должен был сообщить. Ты сообщил.

— Я просто замер.

Уэйтс посмотрел на его руки. Те мелко дрожали. Росс сжимал пальцы, пытаясь это скрыть.

— Ты знаешь, что я не могу оставить тебя на дежурстве в таком состоянии.

— Знаю.

— И знаешь, что мне некем тебя заменить.

— Знаю, Джетро. Мне жаль.

Уэйтс поднялся и протянул ему руку. Росс ухватился за неё и встал. На этот раз удержался.

— Иди в медотсек. Скажи Лингард, что я послал. Не проси ничего конкретного. Пусть сама решит, что тебе нужно. Куртку оставь.

Росс расстегнул форменную куртку, снял её и протянул Уэйтсу. Значок он снял раньше — тот лежал у стены.

Уэйтс поднял его.

— Рикардо знает? — спросил он.

— Нет.

— Я скажу ему, что ты временно снят со смены. Остальное решишь, когда поговоришь с Лингард.

Росс кивнул, но не ушёл.

— Джетро?

— Что?

— Ты веришь, что мы справимся? Со всем этим?

Уэйтс посмотрел на пустой коридор, на мигающую лампу, на след от крепления, где прежде висел план эвакуации. Бумагу сняли, а клейкая лента осталась на стене.

Он мог бы сказать «да». Мог бы сказать «нет». Ни один ответ не помог бы Россу дойти до медотсека.

— Иди, — сказал Уэйтс.

Росс пошёл по коридору, держась за стену. Уэйтс остался с курткой в одной руке и значком в другой. На металле была выгравирована звезда службы колониальных маршалов. Значок был маленьким. Его легко было спрятать в ладони.

Уэйтс убрал его в карман и направился обратно в Бюро.

***

Когда он вернулся, Рикардо спал за столом, положив голову на руки. Планшет лежал рядом; экран продолжал светиться. Уэйтс не стал его будить. Повесил куртку Росса на спинку стула и сел разбирать отчёты.

За неделю зарегистрировали четырнадцать инцидентов: шесть краж, четыре драки, два случая вандализма, нападение на маршала и один вызов, который не подходил ни к одной категории. В рапорте значилось: «Рабочий Джо отказался выполнить инструкцию. Поведение нестандартное».

Уэйтс перечитал строку. Ни описания команды, ни имени очевидца, ни отметки техника. Только номер андроида и место вызова — служебный коридор у закрытого складского сектора.

Он открыл журнал оборудования. Джо числился на балансе станции; обслуживание откладывалось. В заявке диспетчера было написано, что андроид не отреагировал на команду остановиться и продолжил движение к закрытой двери. Через двадцать минут его нашли в другом конце коридора.

Уэйтс пометил рапорт для проверки. Не как криминальный инцидент — пока фактов не хватало. Но и списать его как обычную неисправность он не мог.

Он отправил запрос в техническую службу: проверить состояние андроида и предоставить историю его команд. Затем запросил запись с камер. Ответ пришёл почти сразу: доступные данные отсутствуют.

Уэйтс сохранил оба ответа вместе с рапортом.

Он работал до полуночи. Заполнял формы, которые могли потеряться между Севастополем и Землёй; закрывал дела, по которым уже не осталось ни свидетелей, ни исправных камер; назначал проверки, на которые, возможно, никто не выйдет. Это была обычная работа маршала. Только всё чаще она не приводила к арестам или ремонту. Она оставляла запись о том, что проблема существовала.

В полночь Уэйтс закрыл последний рапорт и поднял глаза на карту.

Красные булавки собирались у Галереи, жилого сектора, космопорта. За окном висел KG-348 — крупный, багровый, равнодушный к тому, сколько людей пытались покинуть станцию и сколько не успели.

Между гигантом и булавками оставался он. Джетро Уэйтс, старший маршал Севастополя, человек, которому всё ещё приходилось решать, что считать нарушением порядка, когда камер нет, людей не хватает, а каждый следующий рапорт может оказаться хуже предыдущего.

Он выключил лампу и закрыл дверь Бюро.

Завтра появятся новые вызовы. Новые неисправности. Новые пропуски в расписаниях и отчётах. Уэйтс не знал, сколько ещё продержится станция. Не знал, куда заведёт каждого из них этот распад. Знал только, что сегодня он записал всё, что мог подтвердить, и не записал того, чего не знал.

Пока этого должно было хватить.

Глава 6. Рабочий класс.

30 октября 2137 года

Будильник Дрю Бэрда не звенел. Он вообще не помнил, когда последний раз слышал звонок: три недели назад тот сломался, а нового не выдали. Вместо будильника был свет. В шесть ноль-ноль потолочная панель зажигалась тусклой полосой, и Дрю открывал глаза почти одновременно с ней. Тело привыкло просыпаться раньше головы. Руки свешивались с койки, ноги находили пол, спина выпрямлялась — всё это происходило до того, как мозг успевал договорить: «Вставать».

Комната в которой он жил , был обычным кубиком — три метра на четыре. Койка, тумбочка, полка, экран. Душ не работал третий день — дисплей показывал «Обслуживание» и мигал красным, словно извинялся. Дрю не ругался. Он знал: «обслуживание» означает «никто не придёт». Он налил немного воды из канистры в раковину, умылся и посмотрел в зеркало.

Тридцать четыре года. Короткие тёмные волосы, щетина, тени под глазами. Не от бессонницы — от света. Света здесь всегда было слишком много или слишком мало.

На экране мигнуло уведомление о смене.

«Гидропоника. Перепад давления в контуре 2. Требуется проверка».

Дрю открыл заявку. Она была создана ночью автоматической системой. Приоритет — низкий. Исполнитель — не назначен.

Он нажал «Принять».

Завтрак был из автомата в конце коридора. Овсянка, которую автомат называл «кашей молочной», и кофе, который автомат называл «кофе». Дрю знал, что ни того ни другого в этих порциях почти не осталось, но ел и пил: тело не спрашивало, как это называется. Тело спрашивало: «Сколько?». Дрю отвечал: «Достаточно».

Он положил ложку в одноразовый лоток и проверил экран. Новая строка в заявке: «Ожидает утверждения руководителя смены».

Дрю нажал на кнопку вызова.

Ответа не было.

Он допил кофе и пошёл к гидропонике.

Там воздух был влажнее и теплее, чем в коридорах, пах землёй — единственный настоящий запах на станции. Дрю любил его. Не говорил об этом вслух: любить запах земли на космической станции казалось странным даже для техников.

Фильтр контура 2 засорился снова. Помпа хрипела низко и неровно, как старик, который не хочет вставать с койки. Дрю снял внешнюю панель, проверил давление и провёл пальцем по краю соединения. На коже остался белёсый след минерального налёта.

Два клапана из шести забились. Он достал инструменты и начал чистить.

— Доброе утро, — сказал он растениям.

Амарант тянулся к лампам — красноватый, жилистый, быстрорастущий. Салат желтел в дальнем углу: света нужного спектра ему не хватало. Дрю подвинул лампу, проверил крепление и спросил:

— Ну и кто вас поливал вчера?

Молчание.

— Вот то-то.

Он вернулся к клапанам.

Дрю разговаривал с растениями не потому, что был чудаком. Они были единственными на станции, кто слушал и не обещал ничего исправить. Андроиды тоже слушали, но отвечали: «Я постараюсь исправить это в ближайшее время» — и ничего не происходило. Растения молчали. В этом молчании было больше честности.

Помпа кашлянула, сбилась с ритма и снова зашумела. Дрю посмотрел на показания. Давление упало на две десятых бара.

Он запустил диагностику.

На экране появилось сообщение: «Отклонение в пределах допустимого».

— Конечно, — сказал Дрю.

Он открыл заявку и приложил показания. Затем вручную поднял приоритет с низкого на средний. Система попросила указать основание.

«Повторный отказ. Риск остановки контура».

Дрю подтвердил. Через секунду экран показал: «Изменение отклонено. Требуется согласование».

— А если я напишу, что растения расстроились?

Экран ничего не ответил.

Марк Миддлтон пришёл через полчаса. Шёл медленно — не от усталости, от опыта. Пятнадцать лет на Севастополе. Он помнил гидропонику, когда лампы были новыми, фильтры — чистыми, а в лотках росло не только то, чем кормили людей. Тогда выращивали помидоры, салат, даже базилик. Недолго, но успели.

Теперь — амарант. Выживал, быстро рос, давал белок. Ничего красивого, ничего особенно вкусного. Просто калории.

— Помпа? — спросил Марк вместо приветствия.

— Хрипит. Чищу.

— Запросил новую?

— Месяц назад.

— Ответили?

— Нет.

Марк посмотрел на экран.

— Давление упало.

— На две десятых бара.

— Пока.

Дрю снова приложил датчик к корпусу помпы. Та гудела, но звук дрожал. На короткое мгновение давление просело ещё на одну десятую бара.

— Надо менять, — сказал Марк.

— Знаю.

— Чистка поможет на три дня.

— Если повезёт.

Марк проверил соединения и присел у открытой панели. У него болело колено — старое повреждение, полученное ещё до сокращений, когда техникам приходилось таскать тяжёлое оборудование не потому, что больше было некому, а потому, что так работала смена.

— Запроси деталь через центральный склад, — сказал он.

— Уже запросил.

— Ещё раз.

— Тогда система присвоит второй номер и закроет первый как дубликат.

— А если не запросить, она сама решит, что нам деталь не нужна.

Дрю выпрямился.

— Ты хочешь, чтобы я потратил полчаса на спор с формой?

— Я хочу, чтобы у нас было хоть что-то, кроме слов, когда насос остановится.

Марк произнёс это без раздражения. Он давно научился не тратить злость на людей, которых не было рядом.

Дрю вернулся к панели и продолжил чистить фильтр.

— Что с запасным насосом? — спросил Марк.

— На складе в башне «Соломон» числится один.

— Числится?

— В системе — да.

— А в натуре?

— Последняя отметка два месяца назад.

— Давай проверим.

Дрю посмотрел на часы.

— Сначала закончу здесь.

— Если насос остановится, закончишь быстрее.

Марк был прав, и это раздражало сильнее, чем если бы он ошибался.

Дрю закрепил панель, включил помпу и дождался, пока давление выровняется. Стрелка дрожала, но держалась в зелёной зоне.

— Работает, — сказал он.

— Пока.

— Ты любишь это слово.

— Оно точное.

Они оставили помпу включённой и внесли в журнал показания. Дрю добавил пометку: «Не оставлять без контроля». Система приняла запись — у неё не было причины отказывать.

В коридоре Марк остановился у терминала и проверил расписание лифта.

— Снова закрыт.

На дисплее было написано: «Техническое обслуживание». Ниже — время последнего обновления: позавчера.

— Лестница, — сказал Дрю.

— Лестница, — согласился Марк.

Кладовая запасных частей находилась в башне «Соломон», на седьмом техническом ярусе. До неё можно было добраться за несколько минут на лифте. Пешком приходилось идти через служебный переход и подниматься по лестнице.

— В старые времена лифты работали, — сказал Марк, пока они шли. — Все шесть. От нижнего уровня до верхнего — три минуты.

— Я слышал эту историю.

— Это не история. Я здесь был.

— Я тоже здесь был.

— Но не в те времена.

Дрю ничего не ответил.

Лестница поднималась между техническими ярусами. На стенах через равные промежутки висели схемы аварийных выходов. Несколько табличек потемнели, а у одной отклеился угол. На пятом ярусе не горела аварийная лампа. Марк остановился и приложил ладонь к перилам.

— Ты как? — спросил Дрю.

— Колено.

— Можем передохнуть.

— Мы и так передыхаем.

Марк продолжил подниматься. На седьмом ярусе они остановились у двери кладовой. Замок считал карту доступа со второго раза.

— Система работает, — заметил Марк.

— Не сглазь.

В кладовой пахло пылью, пластиком и старым металлом. Стеллажи были подписаны по секторам. Некоторые ячейки пустовали, в других коробки стояли без маркировки. Марк открыл терминал и ввёл номер запасного насоса.

Система выдала: «Остаток — 1. Место хранения — ряд С, ячейка 14».

Там лежал пустой пластиковый контейнер.

Марк проверил соседнюю полку, затем нижний ряд. Контейнеров было много. Насоса не было.

— Может, его переместили, — сказал Дрю.

— Тогда в журнале должно быть перемещение.

Марк открыл историю. Последняя запись: «Перемещение оборудования — технический уровень С». Указавший перемещение — пользователь с административным доступом. Номер назначения отсутствовал.

— Кто это сделал? — спросил Дрю.

— Система не показывает имя.

— Запроси журнал действий.

— Уже.

Ответ пришёл через секунду: «Доступ ограничен».

Марк коротко выдохнул.

— Попробуем найти бумажную копию.

— Кто хранит бумажные копии складских заявок?

— Иногда никто. Иногда — тот, кто знает, что их не найти в системе.

Они обошли кладовую. За шкафом с фильтрами нашёлся узкий проход к архивному шкафу. На дверце висела пломба, но она давно отклеилась с одного края. Внутри хранились распечатки, накладные и старые формы технической службы.

Марк перелистывал бумаги, Дрю проверял обозначения на коробках. Через десять минут они нашли запись о переносе насоса. Его отправили на нижний технический уровень — в сектор, который готовили к консервации.

— Вот, — сказал Марк. — Значит, он есть.

— Или был.

— Проверим.

— Это не наша зона.

— А помпа в гидропонике — наша.

Дрю посмотрел на накладную. В графе получателя значился складской автоматизированный комплекс. Подписи техника не было.

— Может, его списали.

— Если бы списали, в системе был бы акт.

— Мы только что видели, что система не показывает, кто перемещал имущество.

— Поэтому и проверим.

Они спустились на нижний технический уровень. Здесь было прохладнее. Часть освещения отключили, чтобы снизить нагрузку на сеть, и коридор освещали только редкие рабочие полосы. На дверях висели новые таблички: «Доступ ограничен», «Сектор в подготовке к консервации», «Работы не вести без разрешения».

Марк сверился с накладной.

— Сектор С-4.

— Это рядом с госпиталем?

— Через два перехода.

— Там сейчас кто-то работает?

— Не знаю.

Дрю проверил терминал доступа. Пломба на двери была целая. Электронный замок высветил: «Сектор опечатан. Доступ ограничен». Дрю приложил карту — замок мигнул красным.

— Моя карта не прошла.

Марк попробовал свою. Тоже.

— Доступ закрыли после переноса оборудования, — сказал он.

— И насос оставили внутри?

— Похоже.

— Тогда нужен допуск.

— Нужен насос.

— Это не одно и то же.

Марк посмотрел на него.

— Нет. Но если вернёмся без него, помпа в гидропонике может остановиться через день. Если повезёт.

Дрю ещё раз проверил терминал. В списке ответственных за сектор значилась комиссия по подготовке станции к демонтажу. Контактное лицо — Кроуфорд.

— Давай запросим разрешение.

— Запрос уже есть, — сказал Марк. — Я подавал его на прошлой неделе. В ответе написано, что сектор не входит в приоритетную зону.

— Тогда подадим аварийный.

— Система потребует подтверждение руководителя.

— Позвоним.

Марк не торопился. Он смотрел на закрытую дверь, словно ожидал, что та сама откроется.

— Дрю, если мы сейчас начнём обходить пломбы, это будет не ремонт. Это будет проникновение.

— Если мы не достанем насос, ремонтировать будет нечего.

— Я знаю.

Они вернулись к терминалу и составили аварийный запрос. Дрю указал риск потери урожая и возможное нарушение снабжения столовой. Марк добавил номер накладной и отсутствие насоса в зарегистрированной ячейке.

Запрос ушёл на согласование.

Ответ пришёл почти сразу: «Заявка принята. Ожидайте решения».

— Сколько? — спросил Дрю.

— В прошлый раз ждали четыре дня.

— Помпе столько не хватит.

Марк достал коммуникатор и набрал номер Кроуфорда. Вызов прошёл, но ответа не было. Он оставил сообщение, назвав сектор и номер оборудования.

— Теперь ждём, — сказал Марк.

— Мы уже ждали месяц.

— Сейчас ждём конкретного человека.

— Это должно помочь?

— Нет. Но так хотя бы будет ясно, кто не ответил.

Они вернулись в гидропонику к обеду. Помпа работала, однако давление опустилось ещё на одну десятую бара. Дрю сбросил показания в журнал и сверил влажность в лотках.

В дальнем секторе амарант начал вянуть. Растения ещё не погибли, но листья повисли, а земля под ними подсохла.

— Вода туда не доходит? — спросил Марк.

— Контур 2 просел. Пока автоматика перераспределяет поток, этот ряд получает меньше.

— Сколько он протянет?

— Если давление не упадёт ниже зелёной зоны — до завтра.

— А если упадёт?

— Тогда начнём поливать вручную.

— Всю гидропонику?

— Нет. Только лотки, которые первыми пересохнут.

Марк снял куртку и закатал рукава.

— Покажи, как перекрыть боковой контур.

Дрю объяснил, где открыть сервисный клапан и как избежать обратного потока. Они вдвоём прошли вдоль лотков, проверили каждое соединение и перенесли часть воды из резервного бака в ручные ёмкости. Работа была медленной. Пластиковые канистры тяжёлые, ручки врезались в пальцы. Через полчаса спина Дрю начала ныть, а Марк несколько раз останавливался, чтобы не перегружать колено.

К полудню у них было достаточно воды, чтобы удержать три ряда. Остальные приходилось оставить на автоматической подаче.

— Раньше здесь работали четверо, — сказал Марк, поставив пустую канистру на пол.

— Раньше здесь было больше людей.

— И больше андроидов.

— «Джо» должны помогать.

— Те, что остались, заняты гостеприимством.

Дрю посмотрел на него.

— Что значит «гостеприимством»?

— Один стоит у входа в Галерею и говорит людям, где находятся магазины. Магазины закрыты. Другой повторяет приветствие у космопорта, хотя рейсов почти нет.

— Они не умеют чинить гидропонику?

— Умеют выполнять запрограммированные задачи. Если переназначить их, понадобится доступ к системе и разрешение.

— У Спеддинга просили?

— Просили. Он сказал, что технической службе выделят пять андроидов, когда завершат текущую оценку проекта.

— Когда это будет?

— Не сказал.

Дрю закрыл клапан и вытер ладони о комбинезон.

— «В ближайшем будущем»?

— Именно.

На обед они пошли в столовую. Половина ламп не горела — техник отключил их, чтобы снизить нагрузку на сеть. Столовая выглядела как стоматологический кабинет после конца света. На экранчике выдачи еды мигало меню: каша, белковый брикет, напиток.

Они сели у иллюминатора, выходившего на KG-348. Газовый гигант занимал большую часть видимого пространства. Полосы облаков медленно тянулись по его диску.

Марк развернул свой обед: та же овсянка, но в другой тарелке, и кусок хлеба из амарантовой муки. На вкус он напоминал картон, но это был хлеб.

— Спеддинг опять обещал андроидов, — сказал Марк.

— Сколько?

— Пятерых. Для технического обслуживания.

— Когда?

— Не сказал. «В ближайшем будущем».

Дрю откусил хлеб. Он был плотным и сухим. Немного помогла вода.

— Ты веришь, что выделят?

— Я верю, что обещание было произнесено.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Дрю посмотрел на столовую. За соседним столом двое грузчиков делили одну порцию. Один убрал ложку, прежде чем второй успел доесть, и сразу понял, как это выглядело. Он вернул её на середину стола.

— Рэнсом, — сказал Марк, не поднимая глаз. — Ты видел его вчера?

— Нет.

— Я видел. Шёл по коридору. Лицо — как будто у него всё хорошо.

Дрю не ответил. Он думал о Рэнсоме без злости — с тем спокойным, усталым презрением, которое появлялось, когда злость уже ничего не меняла. Рэнсом не был злодеем. Он был человеком, который не чинил помпы.

— Слышал, комиссия уже на станции, — сказал Марк. — Проверяет имущество, персонал, состояние станции. Потом, вероятно, распишет, что можно унести, а что дешевле оставить.

— Откуда знаешь?

— Из технической службы. Кроуфорд ходит с новыми списками и требует подписывать акты.

— Он сказал, что будет демонтаж?

— Сказал, что будут оценивать оборудование.

Марк размял хлеб в пальцах. Крошки осыпались на поднос.

— Если они заберут резервные насосы, на станции останется только то, что уже работает.

— А если не заберут, насос всё равно может лежать за запертой дверью.

— Вот и говорю: всё всегда ломается. Обидно не это. Обидно, что никто не чинит.

Он провёл пальцем по краю подноса.

— Пятнадцать лет назад всё блестело. Лифты ездили без остановок. В столовой был суп — настоящий, из овощей. Не из порошка. Овощи росли внизу. Там, где сейчас склад.

Он показал вниз — жест привычный и бессмысленный. Склад находился на нижнем уровне, но это не имело значения. Имело значение, что когда-то там был огород.

— Станция не взорвётся, — сказал Марк. — Не сгорит. Просто перестанут чинить этот фильтр, тот клапан, ту лампу. Потом ещё один. И однажды утром свет включится, а помпа не заработает. И мы поймём, что станция умерла не от катастрофы, а от невнимания.

Дрю хотел ответить, что помпа ещё работает. Но это было бы не ответом, а отсрочкой.

После обеда они вернулись в гидропонику. Давление оставалось в зелёной зоне, но стрелка всё чаще дёргалась к границе.

Дрю запустил ручную подачу воды на дальние лотки. Марк проверил датчики, затем заметил на терминале новое уведомление.

«Запрос на доступ к сектору С-4 отклонён. Основание: подготовка помещений к консервации. Перемещение оборудования запрещено до проведения инвентаризации».

— Они даже не посмотрели на аварийную заявку, — сказал Дрю.

— Посмотрели. Поэтому и отказали.

— Насос принадлежит станции.

— Пока числится за станцией.

Марк вызвал Кроуфорда ещё раз. В этот раз тот ответил не сразу.

— Кроуфорд, — произнёс голос в коммуникаторе. На фоне шумели инструменты. — Если это по спискам, отправьте через систему.

— Это Миддлтон, гидропоника. У нас отказал контур 2. В секторе С-4 числится резервный насос. Нам нужен доступ.

— Сектор опечатан.

— Там оборудование станции.

— Оно включено в инвентаризацию. Ничего не трогать до проверки.

— Помпа работает на пределе. У нас есть акт перемещения, но нет отметки о списании или выдаче. Мы не просим забрать оборудование с собой. Нам нужно установить его в гидропонике.

Кроуфорд помолчал. На фоне кто-то что-то уронил.

— Я не могу открыть сектор без согласования.

— Кто согласует?

— Руководитель комиссии.

— Она на станции с двадцать восьмого.

— У неё очередь из таких же заявок.

— Тогда ждём.

— До какого момента?

— До тех пор, пока не получим разрешение.

Марк посмотрел на Дрю. Тот покачал головой, но промолчал.

— Если контур остановится, мы потеряем часть урожая, — сказал Марк.

— Укажите это в заявке.

— Уже указали.

— Тогда остаётся ждать решения.

Кроуфорд отключился.

Марк опустил коммуникатор.

— Ты хотел, чтобы он сказал «нет»? — спросил Дрю.

— Хотел, чтобы он сказал, кто отвечает за насос.

— Он ответил.

— Нет. Он сказал, кто разрешит его взять.

Они вернулись к работе.

В течение следующего часа Дрю проверял помпу каждые десять минут. На четвёртой проверке давление просело за пределы нормы. Контур 2 начал терять поток. Система автоматически перенаправила воду, но дальние лотки оказались почти отрезаны.

— Перекрывай подачу на восточный ряд, — сказал Дрю. — Сейчас.

Марк бросился к клапану. Дрю отключил автоматическую подачу и перевёл контур на ручной режим. Помпа завибрировала так сильно, что крепление ударило по панели.

— Сбрасывай нагрузку! — крикнул Марк.

Дрю перерезал питание бокового насоса. Основная помпа на секунду замолчала. В гидропонике стало тихо — так тихо, что Дрю услышал, как вода капает из разгерметизированного соединения.

Потом двигатель снова включился.

На дисплее загорелось предупреждение: «Критический перепад давления. Требуется обслуживание».

— Теперь система признаёт, что это критично, — сказал Марк.

Дрю не ответил. Он проверял показания. Основная помпа удерживала поток, но дальние ряды получали меньше воды. Три лотка оставались на ручной подаче. Если отключить ещё один контур, часть растений высохнет.

— Мы можем подать воду вручную, — сказал Марк. — На несколько часов хватит.

— А дальше?

— Дальше найдём насос.

— За дверью, к которой у нас нет доступа.

— Да.

— И решения комиссия не даст ещё несколько недель.

— Да.

Дрю снял перчатки и вытер ладони о комбинезон. Оставить заявку было проще. Записать в журнал, что техническая служба не получила доступа, — тоже. Но помпа не понимала, кто подписал разрешение.

— Надо снова идти к двери, — сказал он.

— С пломбой не спорят, Дрю.

— С помпой тоже.

Они дошли до сектора С-4 за двенадцать минут. Дверь была там же, пломба не повреждена. В этот раз Дрю принёс портативный диагностический терминал.

— Если обрежем питание замка, тревога уйдёт в систему, — сказал Марк.

— Я не собираюсь обрезать питание.

— Тогда зачем терминал?

Дрю подключил устройство к сервисному разъёму, установленному рядом с замком.

— Проверить, что именно блокирует доступ.

На экране появился код: «Запрет доступа. Комиссия по инвентаризации».

Под ним — список оборудования, находящегося в помещении. В том числе запасной насос. Статус: «Ожидает проверки». Последнее обновление — сегодня, девять минут назад.

— Они знают, что он там, — сказал Дрю.

— Конечно знают.

— И всё равно держат дверь закрытой.

Марк присел, чтобы рассмотреть нижнюю часть замка. На его колене дрогнула складка комбинезона.

— Есть сервисный обход, — сказал он. — Но понадобится механический ключ.

— Где он?

— В сейфе у старшего техника.

— У нас есть ключ?

— Нет.

— Тогда нужен Кроуфорд.

— Который сказал ждать.

Дрю снова посмотрел на экран. Внизу высветилось ещё одно сообщение: «Приоритетность заявки снижена. Причина: производство не включено в список критических систем на этапе консервации».

Он перечитал строку.

— Гидропоника не критическая система, — сказал он.

— Для них — нет.

— Она кормит тех, кто ещё живёт на станции.

— Это не входит в список.

Дрю хотел ударить по терминалу, но сдержался. Удар ничего не изменил бы, кроме состояния терминала.

Он сделал снимок сообщения и добавил его к аварийной заявке.

— Ты опять подал заявку, — сказал Марк.

— Да.

— Они опять её отклонят.

— Возможно.

— И что тогда?

— Тогда у нас будет запись, что они отказали.

Марк поднялся с трудом.

— Записи не поливают растения.

— Нет. Но когда начнут выяснять, почему всё перестало работать, кто-то не сможет сказать, что не знал.

На обратном пути они встретили грузовую бригаду. Двое рабочих катили тележку с разобранными секциями оборудования. На одном ящике стояла маркировка «Система водоснабжения. Участок В». Второй был заклеен пломбой.

Марк остановил их.

— Куда это везёте?

— На склад консервации, — ответил старший.

— Это оборудование ещё используется?

— Не знаю. Нам дали список и маршрут.

— Кто дал список?

— Кроуфорд.

Дрю посмотрел на тележку.

— Тут есть насос?

Рабочий проверил накладную.

— Насос малой мощности. Сняли с пищевого блока.

— Он целый?

— Так сказано в акте.

— Покажите маркировку.

Рабочий неохотно повернул ящик. На корпусе стоял номер модели. Дрю быстро сравнил его с параметрами насоса, который был нужен гидропонике.

— Он не подходит, — сказал он.

— С виду такой же.

— Мощности не хватит для нашего контура.

— А если поставить параллельно?

Марк посмотрел на него.

— Может не выдержать обратного давления.

— Но может дать нам время.

— А если не выдержит, спалит питание и остановит оба насоса.

Рабочие ждали. Один из них следил за коридором, словно боялся, что разговор превратится в задержку, за которую его потом заставят отвечать.

— Оставьте ящик, — сказал Марк. — Я оформлю проверку.

— Мы не можем менять маршрут без разрешения.

— Тогда позвони Кроуфорду.

— Он сказал доставить на склад.

— Позвони ему и уточни, можно ли задержать оборудование на десять минут для оценки.

Рабочий посмотрел на старшего. Тот достал коммуникатор, отошёл на несколько шагов и позвонил.

Дрю не отходил от ящика. Небольшой насос мог помочь, если подключить его к резервному контуру. Но это было бы временное решение. Неправильное давление могло повредить трубы и обойтись дороже, чем ожидание.

Телефонный разговор закончился.

— Кроуфорд разрешил задержать на месте, — сказал рабочий. — Десять минут.

Марк открыл ящик и проверил соединения. Корпус был цел, кабельный разъём — нет: одна из контактных пластин погнулась.

— Не подключать, — сказал он.

— Можно выправить, — заметил Дрю.

— Можно. Но сначала нужно проверить сопротивление.

— У нас нет другого насоса.

— Это не делает неисправную деталь исправной.

Марк взял карандаш и отметил повреждение на накладной. Рабочий посмотрел на часы.

— Десять минут вышли.

— Запишите, что проверка проведена, — сказал Марк. — Насос повреждён, в гидропонике не устанавливать.

Рабочий добавил пометку. Они снова покатили тележку.

Дрю посмотрел им вслед.

— Мы могли бы попробовать его отремонтировать.

— Могли бы.

— Но ты не дал.

— Я не позволю тебе заменить одну поломку другой.

— А если основная помпа окончательно остановится?

— Тогда решим, чем готовы рискнуть.

Марк сказал это спокойно, но Дрю слышал в его голосе усталость. Решение не становилось легче оттого, что его откладывали.

К вечеру в гидропонике стало темнее. Одна из ламп над северным рядом погасла полностью. Дрю проверил питание, но не стал вскрывать модуль: для ремонта требовалась отдельная бригада, которой не было. Он перенёс растения, которые ещё можно было спасти, ближе к работающим лампам.

Марк проверил помпу. Давление оставалось низким, но стабильным.

— До утра протянет, — сказал он.

— Откуда знаешь?

— Не знаю. Предполагаю.

Дрю кивнул. Это был честный ответ.

Они закончили смену и вышли в коридор. Там пахло нагретой пылью. Лампа над дверью мигала медленно, ритмично. Дрю остановился у иллюминатора.

KG-348 был красным и тихим. Огромная планета не выглядела ни близкой, ни далёкой. Просто занимала место за стеклом.

— Станция не взорвётся, — сказал Марк, встав рядом.

— Нет.

— Не сгорит.

— Нет.

— Просто перестанут чинить.

Дрю посмотрел на него.

— Помпа ещё работает.

— Да.

— И завтра я снова проверю её.

— Да.

— А если не заработает, найдём другой насос.

Марк помолчал.

— Найдём.

Он не сказал, что они справятся. Не пообещал, что насос будет цел. Только повторил слова Дрю, словно соглашался не с надеждой, а с необходимостью попробовать.

На терминале у двери мигнуло новое уведомление.

«Аварийная заявка по контуру 2 закрыта. Основание: обслуживание не требуется. Параметры в допустимом диапазоне».

Дрю прочитал сообщение дважды.

— Они закрыли заявку, — сказал он.

Марк взял его терминал и проверил время. Решение было принято автоматически, по последним показаниям, записанным до падения давления.

— Завтра подадим снова.

— С теми же данными?

— С новыми.

— Они опять закроют.

— Может быть.

Дрю сохранил уведомление. Добавил снимки с терминала у сектора С-4, показания помпы и отказ в доступе. У системы было поле «Комментарий». Он набрал: «Риск остановки гидропонного контура сохраняется. Запасное оборудование недоступно по решению комиссии по инвентаризации».

Палец завис над кнопкой отправки.

— Напишешь, что Кроуфорд виноват? — спросил Марк.

— Нет. Я напишу, что дверь закрыта.

Дрю отправил отчёт.

Помпа не остановилась. Растения не погибли. Никто не пришёл и не спросил, что случилось. Но теперь в системе осталась запись: оборудование существовало, было исправным по ведомости и недоступным тем, кому оно могло понадобиться.

Дрю отвернулся от окна и пошёл к кубику.

Спать. В шесть ноль-ноль свет включится снова.

Завтра — помпа, фильтры, лампы. Послезавтра — то же самое. И так до тех пор, пока кто-то продолжает проверять, записывать и чинить.

На этот раз Дрю не был уверен, что одного этого достаточно. Но утром он всё равно вернётся.

***

Дрю вернулся в кубик только затем, чтобы сменить рабочую куртку. На рукаве темнело пятно от воды, ладони пахли металлом и землёй. Он смыл грязь, но запах остался под ногтями.

На экране всё ещё висел ответ системы: «Аварийная заявка закрыта». Под ним — его собственный комментарий о недоступном насосе и снимки с терминала сектора С-4. Дрю проверил, сохранились ли вложения, и выключил экран.

К утру помпа могла окончательно остановиться. Тогда писать будет уже не о чем.

Марк ждал у входа в жилой сектор. Он сменил куртку, но не обувь; на ботинках засохла тонкая полоса земли из гидропоники.

— Идём? — спросил Дрю.

— Идём.

До башни «Соломон» они добирались через служебный переход. Главный лифт снова не работал: дисплей обещал скорое обслуживание, а на дверях уже появилась бумажная отметка — «не использовать». Бумагу приклеили поверх предупреждения о перегрузке. Кто-то дописал от руки: «И так не работает».

— Склад на седьмом уровне, — сказал Марк. — Если карта доступа сработает, проверим ячейку. Если нет — пойдём к кладовщику.

— А если кладовщика нет?

— Тогда будем искать того, кто подписывал выдачи.

— А если он тоже ушёл?

— Тогда найдём того, кто не ушёл.

Марк произнёс это как порядок действий, не как шутку. Дрю за ним не отставал.

Башня «Соломон» была светлее, чем технические коридоры гидропоники. Световые панели работали через одну, но этого хватало, чтобы видеть отпечатки ладоней на стенах и следы тележек на полу. У главного холла стояли два «Джо». Один указывал посетителям направление к административным офисам. Второй повторял одну и ту же фразу человеку, который давно ушёл:

— Добро пожаловать в башню «Соломон». Чем могу помочь?

Андроид сделал паузу.

— Добро пожаловать в башню «Соломон». Чем могу помочь?

Дрю задержал взгляд на его неподвижных руках.

— Они всё ещё работают, — сказал Марк.

— Пока.

— Не начинай.

— Я ничего не сказал.

Они свернули к служебным лифтам. Один был отключён, второй стоял на нижнем уровне и не отвечал на вызов. Марк открыл панель, проверил индикаторы.

— Питание есть. Дверной датчик не видит кабину.

— Можно вызвать техника?

— Мы и есть техники.

— Я имею в виду другого.

Марк закрыл панель.

— Другого нет.

Пришлось идти по лестнице. На третьем пролёте встретилась бригада из двух рабочих с тележкой. На тележке лежали кабельные бухты, инструментальные ящики и снятая с потолка световая панель. Один рабочий узнал Марка.

— Вы по насос?

— По запасному.

— Тогда не тратьте время. Вчера его забрали.

Марк остановился.

— Кто забрал?

— Бригада демонтажа. Отправили на склад оборудования.

— У вас есть накладная?

— Должна быть у старшего.

— Где старший?

Рабочий указал на верхний пролёт.

— На восьмом. Снимают распределитель.

Марк переглянулся с Дрю.

— Спасибо.

Рабочая бригада продолжила путь вниз. Дрю смотрел им вслед, пока тележка не скрылась за поворотом.

— Насос в башне, — сказал он. — Может, ещё не уехал со станции.

— Может.

— Проверим склад.

— Сначала узнаем, кто его забрал и по какой накладной.

Они поднялись на седьмой ярус. Дверь кладовой была приоткрыта. Внутри стоял мужчина в рабочем комбинезоне и сверял номера на контейнерах с планшетом. Увидев их, он закрыл экран.

— Вам сюда нельзя.

— Мы из гидропоники, — сказал Марк. — Ищем насос по заявке.

— Всё оборудование проходит инвентаризацию.

— Насос нужен для работающего контура.

— Тогда оформляйте запрос.

— Мы оформляли.

Мужчина отвернулся к стеллажу.

— Значит, ждите решения.

Дрю шагнул внутрь, но Марк придержал его за локоть.

— Покажите накладную на запасной насос, — попросил Марк. — Он числился в С-4.

— Ничего не знаю про С-4.

— Нас сказали, что насос забрали сюда.

— Кто сказал?

— Рабочие на лестнице.

Мужчина снова открыл планшет, пробежал список.

— Насос малой мощности есть. Серийный номер не совпадает с вашим.

— А другой?

— В системе один.

— Физически?

Мужчина сжал губы.

— Послушайте, у меня список. Я не отвечаю за то, что было до инвентаризации.

— Тогда кто отвечает?

— Кроуфорд.

Марк кивнул, будто ожидал именно этого.

— Где он?

— Не знаю.

Дрю заметил на нижней полке открытый контейнер. Внутри лежал насос в защитной упаковке. Табличка с серийным номером была частично закрыта наклейкой «КОНСЕРВАЦИЯ».

Он наклонился, чтобы рассмотреть.

— Не трогайте, — резко сказал мужчина.

— Я только смотрю.

— Смотреть тоже не надо. Оборудование в учёте.

— Именно поэтому я хочу узнать, тот ли это насос.

Мужчина шагнул между Дрю и полкой.

— Вы слышали. Оформляйте запрос.

Марк встал рядом с Дрю, не касаясь работника.

— Нам нужна только маркировка. Если это не тот насос, мы уйдём.

Мужчина колебался. В коридоре за дверью раздался звонок внутренней связи. Он посмотрел туда, затем на них.

— Тридцать секунд. Ничего не открывать.

Он отошёл на шаг.

Дрю осторожно приподнял наклейку настолько, чтобы прочитать номер. Серийный номер совпадал с накладной из архива. Это был нужный насос.

— Он, — сказал Дрю.

— В систему он не выдавался, — ответил мужчина. — Значит, сейчас не ваш.

— Он принадлежит станции.

— Он числится в инвентаризации.

— Это не одно и то же.

Мужчина посмотрел на Марка, словно ожидал, что тот одёрнет напарника.

— Мы не собираемся уносить его без оформления, — сказал Марк. — Дайте нам копию накладной и отметьте, что насос требуется для аварийного ремонта.

— Я не могу менять статус оборудования.

— Тогда просто скопируйте документ.

Мужчина вздохнул и открыл журнал перемещений. В записи значилось: «Сектор С-4 — склад “Соломон”. Перемещение временное. Ответственный: Кроуфорд». Ниже стояла пометка: «Не выдавать до инвентаризации».

— Вот, — сказал Дрю. — Он здесь. Мы нашли.

— Вы нашли запись, — поправил мужчина. — А выдачу должен одобрить ответственный.

— Позвоните ему.

— Я не собираюсь беспокоить Кроуфорда по каждой детали.

— Это не каждая деталь. Это запасной насос, который нужен, чтобы не остановилась гидропоника.

— Я не решаю, что критично.

Марк попросил номер накладной. Мужчина продиктовал его, и Марк сохранил в планшет.

— Мы свяжемся с Кроуфордом сами.

— Делайте что хотите, только не трогайте оборудование.

Они вышли из кладовой.

— Он не врёт, — сказал Дрю.

— Нет.

— Но и помогать не хочет.

— Он боится, что отвечать придётся ему.

— А Кроуфорд?

— Кроуфорд боится отвечать перед комиссией.

Дрю посмотрел на дверь кладовой. Насос лежал в нескольких шагах от них, исправный, упакованный, помеченный как имущество станции. Между ним и гидропоникой стояла не поломка, а запрет.

Марк открыл коммуникатор и снова набрал Кроуфорда.

На этот раз тот ответил почти сразу.

— Что?

— Нашли насос в кладовой «Соломона». Номер совпадает. Нам нужна выдача на аварийный ремонт.

— Он включён в инвентаризацию.

— Мы знаем. Система помпы в гидропонике на пределе. Без замены контур может остановиться.

— Я уже видел вашу заявку.

— Она закрыта автоматически, хотя давление после этого упало.

— Тогда подайте повторно с актуальными данными.

— Подали.

— Ждите.

Марк посмотрел на Дрю, потом продолжил:

— Насос стоит в десяти метрах от меня. Его временно переместили из С-4, он не вывезен со станции. Вы можете подписать выдачу.

— Не могу. У меня нет полномочий менять статус до инвентаризации.

— Кто может?

— Руководитель комиссии.

— Он здесь.

— Тогда пусть подпишет.

— У него очередь.

— Тогда оборудование остаётся на месте.

— Даже если из-за этого остановится контур?

— Если остановится, укажите это в отчёте.

Марк замолчал. В голосе Кроуфорда не было злости — только усталое раздражение человека, которому снова принесли задачу, не входившую в его список.

— Понял, — сказал Марк.

— Хорошо.

Связь оборвалась.

Дрю смотрел на него.

— И что теперь?

— Напишем отчёт.

— Он сказал, что знает о заявке.

— Значит, напишем, что он отказал в выдаче.

— Ты собираешься оставить насос здесь?

— Я собираюсь не дать нам уволиться и не дать им повод обвинить нас в краже имущества.

Дрю провёл ладонью по затылку. Шум башни казался громче обычного: лифт где-то за стеной запускался и тут же останавливался, у дверей спорили двое жильцов, «Джо» повторял приветствие.

— Если контур остановится, растения погибнут.

— Не все.

— Те, что завянут, тоже чьи-то пайки.

— Я знаю.

Марк открыл планшет и начал заполнять форму. Он указал серийный номер насоса, место хранения, дату запроса, отказ в выдаче и имя Кроуфорда как лица, подтвердившего запрет. В поле причины он написал: «Инвентаризационный статус оборудования».

Дрю заглянул через плечо.

— Напиши, что насос нужен для аварийного ремонта.

— Написал.

— И что он исправен?

— Мы не проверяли его под нагрузкой.

— Он упакован.

— Это не проверка.

Дрю ничего не сказал.

Марк отправил форму. Через минуту получил подтверждение регистрации. Номер заявки — 08-4417. Статус — «На рассмотрении».

— Сколько они будут рассматривать? — спросил Дрю.

— Не знаю.

— До утра?

— Не знаю.

— До того, как помпа остановится?

Марк убрал планшет.

— Этого тоже не знаю.

Они спустились в гидропонику к концу смены. Давление колебалось. Дрю разложил воду по ручным бакам и проверил каждый ряд. Амарант держался, но листья на восточной стороне уже поникли. Несколько лотков можно было спасти, если отключить подачу на часть молодняка.

— Не трогай эти, — сказал Марк. — Они почти готовы к сбору.

— А молодые?

— Их потеряем.

Дрю отмерил воду по рядкам. Меньше всего он хотел выбирать, что оставить живым. Но выбор уже произошёл: не из-за его решения, а потому что воды не хватало на всё.

Он перекрыл клапан у молодого ряда и направил поток к зрелым растениям. В трубе загудело. Помпа выдержала.

— Запиши, — сказал Марк.

— Что?

— Какие лотки мы отключили. И почему.

Дрю внёс изменения в журнал. Система предупредила, что вмешательство в распределение воды не зарегистрировано в плановом графике.

Он подтвердил.

Ночью они оставили дежурство по очереди. Марк ушёл отдохнуть первым; Дрю сидел у панели и следил за давлением. На экране мигали показатели, один за другим. Через каждые пятнадцать минут он делал снимок и сохранял в журнал.

В 02:13 давление упало ещё на одну десятую бара.

Дрю вызвал Марка.

Тот пришёл через семь минут, застёгивая куртку на ходу.

— Насос?

— Вибрация усилилась. Похоже, подшипник.

— Можем отключить контур и заменить утром.

— На что заменить? Запасной насос всё ещё в «Соломоне».

Марк посмотрел на показания.

— Если отключим сейчас, вода пойдёт через резервный канал?

— Только на центральные ряды. Восточный ряд останется сухим.

— Сколько там?

— Шесть лотков. Два почти готовы.

— Тогда переключай.

— Мы потеряем молодые.

— Если помпа заклинит, потеряем все.

Дрю переключил клапан. Двигатель на секунду заглох, затем снова заработал. На экране загорелось предупреждение о неравномерном распределении потока.

— Запиши время, — сказал Марк.

— Уже.

Он посмотрел на лотки, которые они отключили. В тусклом аварийном свете растения казались серыми. Дрю не мог понять, вянут ли они уже или просто так выглядели под лампами.

— Завтра вернём насос, — сказал он.

— Если получим разрешение.

— А если нет?

Марк не ответил.

Утро началось с короткого сигнала терминала. Заявка 08-4417 получила новый статус: «Отклонена. Оборудование включено в комиссионную опись». В примечании стояло: «Использование до проверки запрещено».

Дрю перечитал ответ и показал Марку.

— Они отклонили.

Марк сел на край стола.

— Да.

— Теперь что?

— Теперь у нас выбор.

— Какой?

— Оставить насос на складе и надеяться, что помпа продержится. Или взять его без разрешения и отвечать за это.

Дрю посмотрел на дверь гидропоники. За ней двигатель работал на износ. Каждая минута отсрочки делала выбор уже не вопросом правил, а вопросом ущерба.

— Если мы возьмём его, это будет кража?

— Формально — перемещение без согласования.

— А если помпа сломается?

— Тогда в отчёте будет, что мы знали о риске и ничего не сделали.

Дрю встал.

— Пойдём.

Марк не двинулся.

— Дрю.

— Насос нужен. Мы знаем, где он. Знаем, что он целый. Знаем, кто запретил его выдавать. Что ещё ждать?

— Проверки под нагрузкой.

— Мы можем проверить на месте.

— Для этого нужны инструменты и время.

— У нас есть время, пока помпа работает.

Марк медленно поднялся. Колено не выдержало, и он опёрся о стол.

— Если берём, делаем всё по журналу. Фотографируем пломбу, серийный номер и состояние насоса. Не скрываем, что мы его взяли.

— Даже если нас за это отстранят?

— Особенно тогда.

Они вернулись в башню «Соломон». По дороге Дрю не говорил. Марк тоже. В служебном холле «Джо» всё ещё приветствовал людей, хотя теперь его голос прерывался после каждого второго слова.

— Добро пожаловать в башню «Соломон». Чем могу помочь?

Пауза.

— Добро пожаловать в…

Андроид повернул голову к ним, но не успел закончить фразу. Его лицо на мгновение погасло, затем индикаторы снова загорелись.

Дрю не остановился.

У кладовой дежурил другой сотрудник. Это был не тот человек, что вчера. Он проверил их карты, затем открыл планшет.

— Запрос на выдачу отклонён, — сказал он. — Доступа к оборудованию нет.

— Мы знаем, — ответил Марк. — Мы пришли проверить насос.

— Проверка тоже запрещена.

— Нам нужен доступ на несколько минут.

— У меня приказ не открывать кладовую.

— Кто дал приказ?

— Кроуфорд.

— Мы звонили ему.

— Тогда вы знаете ответ.

Дрю посмотрел на Марка. Тот не отводил взгляда от дежурного.

— В журнале будет ваша фамилия? — спросил Марк.

— Что?

— Кто отказал в доступе.

Дежурный нахмурился.

— Я просто выполняю приказ.

— Это нормально. Мы тоже.

Марк открыл на планшете форму регистрации отказа и попросил дежурного подтвердить время и номер помещения. Тот неохотно ввёл данные. На экране появился новый пункт в журнале: «Доступ к резервному оборудованию не предоставлен».

Дрю сохранил запись.

— Спасибо, — сказал Марк.

— Вы не получите насос.

— Мы поняли.

Они отошли в коридор.

— Что теперь? — спросил Дрю.

Марк посмотрел на дверь кладовой, потом на камеру в углу потолка.

— Есть запасной вход со стороны погрузочного коридора. Не в кладовую — в грузовой шлюз. Туда можно попасть по служебному разрешению.

— У нас есть разрешение?

— Для проверки оборудования, если рядом нет активного опечатывания.

— Там есть пломба?

— Не знаю.

— Ты предлагаешь проверить?

— Предлагаю сначала посмотреть.

Грузовой коридор находился за лестницей, в небольшом переходе между складом и лифтовым холлом. Дверь к нему была закрыта, но не опечатана. Марк приложил карту. Замок открылся.

За дверью пахло холодным металлом. В потолке шёл узкий ряд ламп, некоторые мигали. На полу остались следы от тяжёлых тележек. В конце коридора находилась сервисная панель с механическим замком.

— Это не вход в кладовую, — сказал Дрю.

— Нет. Это доступ к грузовому шлюзу.

Марк проверил наклейку на панели. Она была старая, но не повреждённая.

— Я не собираюсь ломать её, — сказал он. — Просто посмотрю, есть ли соединение с погрузочным отсеком.

— И если есть?

— Тогда решим.

Марк подключил диагностический терминал. На экране отобразилась схема помещения. За стеной находился грузовой лифт, ведущий на складской уровень. Его можно было вызвать из коридора, но сама кладовая оставалась отделена внутренней дверью.

— Не поможет, — сказал Дрю.

— Может помочь, если насос уже подготовили к перемещению.

— А если нет?

— Тогда не будем его трогать.

Марк открыл список оборудования на грузовом уровне. Насос числился не в кладовой, а в зоне погрузки. Статус изменился за ночь.

«Ожидает перемещения. Маршрут: склад консервации».

Дрю подался ближе к экрану.

— Его собираются вывезти.

— Не обязательно со станции. Может, в другой склад.

— Когда?

— Через двадцать минут.

Марк открыл маршрут. В графе исполнителя значилась автоматизированная грузовая платформа.

— Если он уедет на склад консервации, мы его больше не увидим.

— Надо остановить платформу.

— Это уже прямое вмешательство в систему.

— Марк, контур не протянет ещё сутки.

Марк долго смотрел на экран. Затем сохранил маршрут и сфотографировал статус.

— Позвоним Кроуфорду ещё раз.

Связь прошла с первого сигнала.

— Что теперь? — спросил Кроуфорд.

— Насос включён в маршрут перемещения через двадцать минут, — сказал Марк. — В гидропонике аварийный контур. Если его заберут, доступа к нему не будет.

— Он перевозится на склад консервации для инвентаризации.

— Он уже инвентаризирован.

— Нет. Он ожидает перемещения.

— Почему его вывозят до проверки?

— Я не могу менять маршрут.

— Ты можешь отозвать транспортировку.

— Не могу.

— Тогда кто может?

— Система.

— У кого есть доступ к системе?

Кроуфорд не ответил.

— Слушай, — сказал Марк, — я не прошу разрешения забрать насос. Я прошу остановить автоматическую платформу, пока мы проверим состояние оборудования.

— Это не моя зона.

— Но ты отвечаешь за перемещение.

— Я отвечаю за список.

— Тогда добавь в список, что оборудование требуется гидропонике.

— Ты уже подал заявку.

— Её отклонили.

— Значит, решение принято.

— Решение принято до того, как контур упал.

— Я не могу помочь.

Марк посмотрел на Дрю и отключил связь.

— Он не может, — сказал Дрю.

— Или не хочет.

— Разница какая?

— Для нас — никакой.

Марк открыл журнал и начал составлять новый рапорт. На этот раз он указал не только отказ в выдаче, но и запланированное перемещение насоса на склад консервации. Приложил показатели давления, автоматический отказ и ответ Кроуфорда.

— Если отправим, платформа всё равно поедет, — сказал Дрю.

— Да.

— Тогда зачем?

— Чтобы не исчезло, что мы знали о перемещении и сообщили о риске.

— Мы можем остановить её вручную.

— Можем.

— Ты не хочешь.

— Я не хочу, чтобы нас задержали до того, как мы решим, что делать дальше.

— Значит, правило сильнее растений.

— Нет, — сказал Марк. — Правило — это единственная защита, которая у нас ещё осталась. Растения она защитит. Нас, возможно, тоже.

Грузовой лифт загудел. В коридоре загорелся индикатор прибытия.

Из-за стены донёсся металлический стук. Платформа поднималась с нижнего уровня.

Дрю посмотрел на Марка.

— Если сейчас не вмешаемся, насос уедет.

Марк отправил рапорт. На экране высветилось: «Зарегистрировано».

— Теперь у нас есть запись, — сказал он.

— И насос на платформе.

— Да.

— Ты всегда так долго думаешь?

— Только когда от решения зависит, потеряем ли мы работу.

— А если потеряем гидропонику?

Марк убрал планшет.

— Тогда это будет дороже работы.

Лифт остановился. Двери в дальнем конце коридора разошлись. Из кабины выехала низкая грузовая платформа с закрытым контейнером. Индикатор маршрута мигал зелёным.

«СКЛАД КОНСЕРВАЦИИ».

Платформа повернула к погрузочному коридору.

Дрю сделал шаг навстречу. Марк схватил его за рукав.

— Не сейчас.

— Она увезёт насос.

— Подожди.

— Чего?

На панели платформы мигнул красный сигнал. Она замедлилась, затем остановилась. На дисплее появился текст: «Маршрут временно приостановлен. Требуется подтверждение ответственного».

Марк смотрел на экран своего планшета.

— Ты это сделал?

— Нет.

— Тогда кто?

Ответ пришёл через несколько секунд. Новое уведомление в их рапорте: «Перемещение приостановлено до проверки заявки. Ответственный уведомлён».

Марк не улыбнулся. Дрю тоже.

Платформа стояла посреди коридора, контейнер запечатан. Насос не был у них, но и не исчез.

— У нас сколько времени? — спросил Дрю.

Марк посмотрел на уведомление.

— Не написано.

— Значит, надо забрать его, пока не возобновили маршрут.

— Нет. Значит, надо дождаться ответа.

Дрю шагнул к контейнеру.

— Мы не знаем, сколько насос протянет там.

— Знаем. Он запечатан, и его не подключали. Он никуда не делся.

— Пока.

— Мы уже остановили транспортировку. Дальше пусть отвечают те, кто её назначил.

Дрю хотел возразить, но понял: Марк был прав не потому, что правила были важнее растений. Потому что теперь у них появился шанс получить разрешение, не превращая себя в нарушителей.

Он отступил.

Они вернулись в гидропонику и отправили повторный запрос с актуальными данными. На этот раз к нему приложили подтверждение приостановки маршрута. Через пять минут пришёл ответ: «Требуется ручное согласование руководителя комиссии».

— Это Кроуфорд? — спросил Дрю.

— Нет. Комиссия.

— Но она не отвечает на заявки.

— Тогда ответ где-то в её очереди.

— Можно связаться?

Марк открыл контактную информацию. Там был только служебный адрес, без имени.

— Отправляй, — сказал Дрю.

Марк приложил рапорт и запросил временную выдачу насоса для аварийного ремонта с обязательным возвратом или внесением в новую инвентарную запись.

Они ждали.

Помпа продолжала работать. Дрю держал руку на корпусе, чувствуя вибрацию через металл. Каждые несколько минут проверял давление. Марк сидел у терминала и обновлял статус заявки.

В 11:42 ответил Кроуфорд.

«Временная выдача разрешена. Условия: фиксация серийного номера, фото состояния оборудования, акт установки и подпись двух техников. После устранения аварии насос подлежит возврату или включению в перечень активного оборудования».

Дрю перечитал сообщение.

— Он согласовал.

— Не совсем он, — сказал Марк. — Запрос ушёл руководителю комиссии. Кроуфорд только передал решение.

— Какая разница.

— Для нас — большая.

Они вернулись к грузовому коридору. Платформа всё ещё стояла там. Рядом уже ждал техник склада с терминалом.

— Вы за насосом? — спросил он.

— За временной выдачей, — ответил Марк. — Вот разрешение.

Техник проверил номер заявки, серийный номер и подписи. Затем снял пломбу с контейнера. Насос был цел. Корпус чистый, защитная упаковка не повреждена.

Дрю снял фото, Марк записал серийный номер. Техник внес выдачу в систему.

— Подпишите здесь, — сказал он.

Марк расписался первым, Дрю — вторым.

Они погрузили насос на ручную тележку. Он оказался тяжелее, чем выглядел. Дрю упёрся плечом в ручку, Марк толкал сзади. По лестнице его не поднять; пришлось воспользоваться грузовым лифтом, который работал только в режиме ручного вызова.

Лифт несколько минут не отвечал. Потом двери открылись.

— Видишь, — сказал Марк. — Иногда система всё-таки решает помочь.

— Она просто поняла, что мы не уйдём.

Лифт поднял их на уровень гидропоники. Пока они везли насос по коридору, Дрю думал о времени. Давление продолжало падать. Насос мог исправить проблему — или оказаться несовместимым с контуром.

Они отключили старую помпу и отсоединили трубы. Марк проверил уплотнения, Дрю установил новый насос. Работа заняла сорок минут. На последнем соединении ключ сорвался, и металлический край рассёк Дрю перчатку. Кожа на костяшке выступила кровью.

— Дай руку, — сказал Марк.

— Потом.

— Сейчас.

Марк достал аптечный пластырь из кармана и заклеил порез. Они продолжили.

Когда насос запустили, система загудела ровно. Давление поднялось до нормы, затем немного превысило её.

— Сбавь на четверть, — сказал Марк.

Дрю отрегулировал клапан.

Стрелка остановилась в зелёной зоне.

Они молча наблюдали за ней ещё минуту. Потом прошли вдоль лотков и открыли восточный контур. Вода пошла к молодым растениям. Не все восстановятся, но часть ещё можно было спасти.

Дрю провёл ладонью по листьям. Те были прохладными и влажными.

— Ну что, — сказал он. — Доживём до завтра?

Марк посмотрел на ровный поток.

— До завтра — да.

— А потом?

— Потом проверим насос.

В журнале они указали время установки, состояние оборудования, серийный номер и основание для временной выдачи. Марк добавил, что три лотка были отключены от контура и часть растений повреждена из-за задержки ремонта.

Дрю подписал акт.

Через несколько минут пришло новое уведомление: «Изменение учтено. Оборудование временно закреплено за гидропоникой».

Впервые за долгое время система не закрыла заявку. Она изменила запись.

Марк прочитал уведомление и сел на ящик.

— Ты как? — спросил Дрю.

— Колено болит.

— Это не то, что я спросил.

— Я знаю.

Марк снял перчатки. Пальцы у него дрожали от усталости.

— Мы получили насос, — сказал Дрю.

— Да.

— И ничего не украли.

— Да.

— И никто не пришёл нас арестовывать.

— Пока.

Дрю усмехнулся.

— Это слово ты оставь себе.

Он посмотрел на гидропонику. Помпа работала, вода шла по контурам. Растения не знали, что их спасли не из-за приказа, не из-за заботы и даже не из-за правильной заявки. Их спасли потому, что двое техников не захотели уходить, пока система не заработает.

За дверью раздался шум шагов «Джо». Потом голос андроида произнёс:

— Техническое обслуживание запланировано.

Дрю переглянулся с Марком.

— Кто-то наконец назначил обслуживание?

— Может, это не про нас.

Они вернулись к панели. На экране не было новых заявок. Только стандартный отчёт о состоянии станции и список систем, переданных на инвентаризацию.

Марк открыл журнал и добавил последнюю строку:

«Контур 2 восстановлен. Установлен временно выданный насос. Растения восточного ряда частично повреждены. Требуется повторная проверка через шесть часов».

— Теперь можно идти? — спросил Дрю.

— Через шесть часов.

— Конечно.

— Можешь поспать до проверки.

— А ты?

— Я останусь.

— Нет. Я останусь, ты иди.

Марк посмотрел на него, но спорить не стал.

Дрю сел у панели. За иллюминатором медленно вращался KG-348. Помпа работала ровно, и её ровный гул заполнял помещение лучше любой музыки.

Он закрыл глаза на секунду. Не чтобы уснуть — только чтобы дать им отдохнуть.

Когда открыл, индикатор давления всё ещё был зелёным.

На этот раз этого хватало.

Глава 7. Сигнал.

Мусорщик «Анесидора». Октябрь — ноябрь 2137 года.

«Анесидора» воняла. Не сильно — не так, как бывает на больших кораблях, где вонь от испорченной еды или засорённой канализации. «Анесидора» воняла по-другому — старым металлом, перегретой проводкой и отчаянием. Запах въелся в стены, в одежду, в волосы, и никакая вентиляция с ним не справлялась, потому что вентиляция была третьей очереди ремонта, а первым стоял двигатель.

Корабль был старым. Не древним — «Ностромо» был древним, а «Анесидора» просто старой. Ей исполнилось двадцать три года, и в человеческих годах это значило, что она прошла через столько рук, ремонтов и переделок, что уже никто не помнил, как она выглядела изначально. Марлоу купил её на аукционе по банкротству за сумму, которая заставила бы покраснеть любого брокера, и с тех пор вкладывал в неё всё, что зарабатывал, — а зарабатывал он мало.

Три секции: рубка впереди, жилой блок в центре, корма с грузовым отсеком и двигателем. Рубка — два кресла, пульт, который Микс оклеил фотографиями женского пола из старых журналов. Жилой блок — четыре каюты размером с гроб и столовая, которая одновременно была залом собраний, комнатой отдыха и хирургией. Корма — то, что Льюис ласково называл «сердцем», а все остальные — «тем местом, где всё гремит».

Генри Марлоу сидел в столовой и ел. То, что он ел, называлось «Питание» — нейтральное слово для нейтрального продукта. Серая масса, которую можно было подогреть, остудить или есть холодной. На вкус — ничего. Не плохо, не хорошо. Ничего. Марлоу считал, что это честно: еда, которая не притворяется едой. Фостер считала, что это депрессия в тюбике.

Это был семнадцатый день «Питания» подряд. Марлоу знал это, потому что Фостер отметила на стенной панели — маленький крестик за каждый день. Не чтобы стыдить. Чтобы считать. «Через неделю — свежая партия», — сказала она вчера. «Та же самая свежая партия», — ответил Марлоу. Фостер промолчала. Она умела молчать так, что молчание было громче слов.

Льюис сидел напротив и ел молча. Дин Льюис — инженер, механик, хранитель двигателя — ел всегда молча, быстро и аккуратно, как будто боялся, что еду отберут. Не потому что отбирали — просто привычка. Он вырос на ферме в Нью-Мехико, где еды было мало, а братьев и сестёр — много. «Реактор нужно слушать во сне», — сказал он однажды Марлоу, когда тот спросил, почему Льюис спит в гамаке у двигателя, а не в каюте. Марлоу не стал спрашивать дальше. На «Анесидоре» у каждого была своя странность, и Льюисова была самой безобидной.

Микс пришёл последним. Алан Микс — штурман, радарист и по совместительству единственный человек на борту, который мог говорить без остановки дольше, чем работал двигатель «Анесидоры». Высокий, худой, с вечно красным носом и потёртой курткой, которую он снимал только в душ — а душ был раз в четыре дня. Микс варил кофе. Настоящий кофе — не из синтезатора, а из зёрен, которые он покупал на последней станции и на которые потратил больше, чем на еду за неделю. «Кофе — это топливо для штурмана», — говорил он. «Ты штурман, а не локомотив», — отвечала Фостер. Микс не слушал. Он пил кофе и говорил.

— Я говорю вам, — Микс поставил кружку на стол, — в прошлый раз мы упустили баллон азота. Баллон! Кто теряет баллон азота? Мы. Потому что радар на левой панели глючит, а починить его некому, потому что наш инженер спит у двигателя.

— Я не сплю у двигателя, — сказал Льюис, не поднимая глаз. — Я сплю рядом с двигателем. Это разные вещи.

— Дети, — сказала Фостер, входя в столовую. Кэтрин Фостер — жена Марлоу, первый помощник и единственный человек на борту, которого все слушались. Не потому что она была старшей — потому что она говорила так, что возражать не хотелось. Одно слово, один взгляд — и Микс замолкал, Льюис выпрямлялся, а Марлоу чувствовал, что ему двадцать лет и он опять на первом свидании.

Фостер выросла на станции. Не на планете — на станции. Родилась в невесомости, выросла в металлических коридорах, видела звёзды через иллюминаторы, но никогда не стояла на траве. Марлоу обещал ей деревья — не конкретно, не как план, а как мечту. «Когда-нибудь», — говорил он. «Когда-нибудь — это не место на карте», — отвечала она. Но оставалась. Потому что «когда-нибудь» у Марлоу звучало убедительнее, чем «никогда» у кого-либо другого.

Хейст не пришёл завтракать. Криспин Хейст — дозорный, наблюдатель, тот, кто сидел в рубке, пока все спали, и смотрел в пустоту. Тихий, с лицом, которое не выражало ничего, — не от равнодушия, а от привычки. Хейст читал бумажные книги. Настоящие, с переплётами и страницами, которые он покупал на станциях за астрономические деньги. «Про людей, которые оказались не в том месте», — сказал он однажды, когда Микс спросил, зачем ему бумага, когда есть ридер. Микс засмеялся. Хейст не засмеялся. Хейст редко смеялся. Но когда на «Анесидоре» что-то ломалось — а ломалось постоянно, — он был единственным, кто не паниковал. Он просто чинил. Молча. Как Льюис ел — аккуратно, без суеты, как будто это было единственное, что имело значение.

***

Вечером садились играть в карты. Микс почти всегда выигрывал — не потому что жульничал, а потому что считал. Льюис проигрывал молча и уходил к реактору. Хейст играл редко, но когда играл, то выигрывал так тихо, что никто не замечал, пока Микс не обнаруживал, что у него нет фишек.

Фостер играла мало. Она сидела рядом с Марлоу и клала ноги ему на колени, и это было не романтично, а бытово — так, как кладут ноги на скамейку, когда устали. Марлоу не возражал. Ему нравилось, что она рядом. Ему нравилось, что она осталась, хотя могла уйти — на любой станции, в любой момент, к любому, кто предлагал твёрдый контракт и планету под ногами. Она не уходила.

Иногда, после ужина — если у Фостер были специи, а они были не всегда, — она готовила. Не «Питание», а что-то из ничего: из сухих овощей, порошкового молока и специй, которые хранила в жестянке под своей койкой. Это не было вкусно. Но это было не «Питание», и этого было достаточно.

— Генри, — сказала она однажды вечером, когда Микс и Льюис ушли, а Хейст заступил на вахту. — Генри, мы не можем жить так вечно.

— Я знаю.

— Ты говоришь «я знаю» каждый раз. И каждый раз мы продолжаем.

— У меня есть план.

— У тебя всегда есть план. Планы — это единственное, что у тебя есть в избытке.

Марлоу молчал. Она была права, он это понимал. Но «Анесидора» была для него больше, чем просто корабль — это было всё, что у него осталось. Продать её означало предать себя. Сменить работу — значило изменить свою жизнь. Он не мог этого сделать. Не потому, что не хотел, а потому, что не знал, как.

— Когда-нибудь, — сказал он.

Фостер посмотрела на него долго, как смотрят на человека, которого любят и за которого боятся. Потом положила голову ему на плечо и закрыла глаза.

— Когда-нибудь, — повторила она. Не вопрос. Не согласие. Просто эхо.

****

«Анесидора» обнаружила облако обломков в приграничном секторе. Вероятно, это были следы старого столкновения: за годы мусор растянулся на тысячи километров. Здесь плавали панели, фермы, топливные баки и контейнеры компаний, которые уже не существовали. Работа была скучной: каждый обломок — манипулятор — склад — подсчёт. Но платили за неё больше, чем за любой другой контракт.

На третий день после последней стыковки Микс, который почти не спал и пил много кофе, заметил сигнал. Это был точечный, узкий и повторяющийся каждые двенадцать секунд. Это не было отражением или эхом. Это был передатчик.

— Капитан, — сказал Микс по интеркому. — В поле работает передатчик. Направленный. Кто-то из обломков ещё подаёт признаки жизни.

— Курс?

— Взят.

Обломок затянули на борт манипулятором. В грузовом отсеке Льюис срезал обгорелую оболочку и замер.

Внутри был регистратор. Корпус выгорел до тёмно-красного, но трафарет читался: USCSS NOSTROMO. Ниже — регистрационный номер: 180924609.

Льюис не сказал ни слова. Фостер, спустившаяся в отсек, первой поняла почему.

— «Ностромо», — сказала она. — Тот самый?

— Другого нет, — сказал Льюис. — Регистрационный — их. Я проверял по справочнику, когда служил в Дамон-харборе. Корабль числится пропавшим пятнадцать лет.

Марлоу смотрел на регистратор, не прикасаясь.

«Ностромо» знал каждый, кто работал в космосе. Коммерческий буксир, исчезнувший с людьми на борту. Компания искала его пятнадцать лет — потом перестала, потому что не нашла ничего, за что стоило бы платить. Теперь нашла. Не она.

***

Льюис вскрыл регистратор в столовой, а не в рубке. Там было светло, и все могли наблюдать за процессом. Три часа он возился с модулем — тот был старый, с механическими замками, не поддающимися электронике. Льюис ковырял их, как хирург, бормоча о «древних технологиях» и «кого я нанял».

Когда модуль наконец открылся, все собрались вокруг стола. Марлоу, Фостер, Микс и Хейст склонились над чёрным ящиком, из которого Льюис извлёк кристалл данных. Он вставил его в ридер.

Экран мигнул и показал первую стену: корпоративное шифрование. Журналы экипажа и инженерные записи оказались заблокированы. Льюис поднял руки и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.